

МАЙЯ ВЕРЕСК

ЕГО
ИДЕАЛЬНАЯ
ЛОЖЬ

18+

Майя Вереск

Его идеальная ложь

«Автор»

2026

Вереск М.

Его идеальная ложь / М. Вереск — «Автор», 2026

Валерия Воронцова семь лет живёт с чужой виной. Её отчёт украли, имя протащили по заголовкам, а мужчина, который клялся защищать, выбрал спасти фирму. Теперь у неё независимая практика и правило: никогда не позволять заказчику решать, что ей можно знать. Максим Северин нанимает её проверить свою гостиничную сеть — сто восемьдесят миллионов исчезли между сметой и реальностью. Он холоден, дозирует правду и слишком много знает о её прошлом. Он же — единственный, кто отступает, когда она говорит «нет». Чем ближе Валерия к схеме внутри компании, тем очевиднее: её пригласили не только считать деньги. Кто-то заранее рассчитал, что её фамилия заставит преступника занервничать. Идеальная ложь не подделывает документы. Она берёт настоящие и показывает их в нужном порядке. Роман о женщине, которая оставляет выбор за собой — даже когда любит.

© Вереск М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не тот номер	5
Глава 2. Условия проверки	13
Глава 3. Первый вопрос	20
Глава 4. Человек без алиби	27
Глава 5. Публичная ошибка	34
Глава 6. Четыре часа рядом	41
Глава 7. Общая территория	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Майя Вереск

Его идеальная ложь

Глава 1. Не тот номер

В номер Максима Северина я вошла по ошибке.

За семь минут до этого ошибка выглядела вполне официально.

В холле пахло тёплым деревом, дорогим чаем и чужим спокойствием. За стеклянной стеной дождь накрывал вечернюю Москву плотной серой сеткой. Машины подъезжали к вращающимся дверям, выпускали сухих людей и уезжали, оставляя на граните блестящие следы. Я оказалась единственной, кого водитель высадил в двадцати шагах от навеса.

Пальто промокло, волосы прилипли к шее, настроение соответствовало погоде.

Встречу назначили на восемь вечера. За час до неё координатор Максима Северина сообщила, что он задерживается на открытии закрытого мероприятия — формулировка мне понравилась, — но предложила не терять время и посмотреть предварительные материалы. Переговорную якобы перенесли в номер 1416, приспособленный для частных деловых встреч.

Я перезвонила по официальному номеру гостиничной группы. Координатор назвала моё полное имя, тему встречи и фамилию человека, рекомендовавшего меня Северину. После этого подозрительность требовала либо отказаться от контракта, либо признать, что иногда номер в отеле действительно является просто помещением с дверью и столом.

Отказываться я пока не собиралась.

Последний большой заказ закончился три недели назад. Два новых клиента хотели не расследования, а письменного подтверждения уже назначенной вины. Третий предлагал половину обычного гонорара и бесценную возможность поработать с известным брендом. Возможности хозяйка квартиры в счёт аренды не принимала.

Компания «Север» была настоящей работой: двенадцать отелей, несколько сотен договоров, внутренний конфликт и сумма возможного ущерба, которую в предварительном письме предусмотрительно не назвали.

За стойкой меня встретила Мария Соколова. Она проверила паспорт, сделала короткий звонок и вынесла серый конверт с моей фамилией. Внутри лежала карта и листок с напечатанным номером 1416.

— Лифт справа, Валерия Сергеевна. Четырнадцатый этаж. Вас ожидают.

— Кто именно?

Мария на секунду задумалась.

— Материалы уже доставили. Максим Андреевич подойдёт позднее.

Ответ был неидеальным, однако имя на конверте моё, карта получена после проверки паспорта, а координатор подтвердила порядок встречи. Профессиональная осторожность не требует шарахаться от каждой двери — она требует запомнить, кто эту дверь перед тобой открыл.

Лифт привёз меня на этаж, где коридор казался длиннее некоторых московских улиц. Я нашла 1416, приложила карту и услышала отказ замка. Повторила. Красный огонёк мигнул второй раз.

На листке в конверте последняя цифра была напечатана поверх серой полосы. Я поднесла его ближе к свету и решила, что шестёрку вполне можно принять за восьмёрку. Соседняя дверь носила номер 1418. Карта открыла её с первого раза.

Внутри никого не было, и на переговорную комната не походила совсем. На спинке кресла висел мужской пиджак, на столе стоял раскрытый ноутбук, рядом лежала тонкая серая

папка. На папке было написано «Альтаир Дизайн» — название одной из компаний, ради которых я и приехала.

Неверные цифры на двери и правильные документы сложились в объяснение, которое продержалось меньше минуты.

Потом в ванной перестала шуметь вода.

И только тогда я задумалась, почему материалы для предварительной встречи оставили в жилом номере, а не в переговорной.

Вопрос запоздал ровно на одну открытую дверь.

— Добрый вечер, — произнёс мужчина у меня за спиной. — Обычно люди хотя бы стучат.

Я обернулась.

Он стоял в дверях ванной, придерживая на бёдрах белое полотенце. Высокий, широкоплечий, с мокрыми тёмными волосами и выражением лица человека, у которого в доме сработала сигнализация, но имущество пока не пострадало. Вода стекала по шее, задерживалась у ключицы и исчезала ниже. Мой взгляд задержался там же, и я сердито подняла его к лицу.

Лицо оказалось знакомым.

Я видела его на деловых фотографиях: рядом с очередным открытым отелем, на отраслевой конференции, в интервью о российском туристическом рынке. На снимках Максим Северин почти не улыбался. В жизни, как выяснилось, тоже.

На экране телефона оставалось открытым сообщение от координатора:

«Господин Северин задерживается. Материалы в 1416, карта у администратора. Можете начать знакомиться».

Я посмотрела на металлические цифры возле двери. С внутренней стороны они читались ничуть не хуже.

— Видимо, кто-то решил ускорить наше знакомство, — сказала я.

Северин перевёл взгляд на мой телефон, затем на серую папку, к которой я успела подойти слишком близко.

— Мы знакомы?

— Уже да. Валерия Воронцова.

Имя не произвело заметного впечатления, но пауза перед ответом вышла чуть длиннее, чем требовалось для вежливости.

— Чем обязан, Валерия?

— Моим умением пользоваться гостиничными картами. И неумением вашей сотрудницы выдавать правильные.

Я протянула ему конверт с номером, который получила внизу. Северин не двинулся. Наверное, перспектива пройти через комнату в одном полотенце ради сомнительной бумажки показалась ему недостаточно привлекательной.

Мне она тоже не нравилась. Я положила конверт на тумбу у двери.

— Мне сообщили, что материалы для предварительной проверки находятся в номере 1416. Карта открыла ваш. Я готова спуститься к администратору и выяснить, как это произошло.

— Предварительной проверки чего?

Он спросил спокойно. Слишком спокойно для владельца компании, который ожидал специалиста по внутренним расследованиям и только что обнаружил её рядом с закрытыми документами.

— Полагаю, этот вопрос лучше обсудить после того, как вы оденетесь.

— Вас смущает полотенце?

— Меня смущает обсуждать конфиденциальный контракт с человеком, у которого нет карманов.

На этот раз в его лице что-то изменилось. Не улыбка — намерение улыбнуться, вовремя отменённое внутренним распоряжением.

— Телефон положите на консоль.

— Зачем?

— Чтобы я был уверен, что фотографии моего номера не появятся у конкурентов раньше завтрака.

— А без телефона я не сумею запомнить увиденное?

Он посмотрел прямо на меня. Глаза у него оказались светло-серыми и неприятно внимательными.

— Сумеете. Но воспоминания сложнее приложить к письму.

Требование было разумным, если забыть, что я оказалась здесь по вине его сотрудников. Я заблокировала экран и оставила телефон на консоли. Северин едва заметно кивнул.

— Теперь выйдите в коридор.

— Это уже было моей идеей.

Я взялась за ручку. Замок не отреагировал. Я нажала сильнее, и дверь поддалась. В гостиницах нельзя запирают людей изнутри, даже если они вошли не туда.

— Подождите, — сказал Северин.

— Я предпочла бы продолжить знакомство в помещении, где все участники одеты.

— Две минуты. Нужно зафиксировать, какая карта открыла мой номер и кто её выдал. Если вы сейчас спуститесь, половину следов успеют исправить из лучших побуждений.

Вот это уже было убедительно. Я закрыла дверь и отошла к окну.

Он прошёл к прикроватному телефону, сохраняя раздражающее достоинство для человека, которому приходилось одной рукой придерживать полотенце. Москва за стеклом расплывалась в дождевых дорожках. Внизу светилась вывеска отеля — лаконичная буква «С» в тонком серебряном круге.

В отражении я видела Северина достаточно хорошо, чтобы заметить: он не бросился прикрывать папку. Не захлопнул ноутбук. Не попытался выяснить, успела ли я что-нибудь прочесть. Позвонил на ресепшен, коротко сообщил о неисправности и назвал номер.

— Дежурный менеджер поднимется через две минуты, — сказал он, положив трубку.

— Отлично.

— Для кого вы должны проводить проверку?

— Для компании «Север».

Северин опёрся ладонью о край стола.

— Кто заключал договор?

— Пока никто. Сегодняшняя встреча должна была определить, стоит ли его заключать.

— И вы начинаете определять это в номерах потенциальных заказчиков?

Я повернулась к нему.

— Вам действительно хочется обсудить мои профессиональные методы именно сейчас?

— Сейчас они интересуют меня особенно сильно.

Его взгляд скользнул к моему пальто. За двадцать шагов от машины до входа оно успело промокнуть так, словно я добиралась сюда вплавь. С волос на воротник всё ещё падали капли.

— Личность координатора подтвердили? — спросил Северин.

— Да.

— Каким способом?

— Перезвонила по номеру, указанному в официальном письме компании.

Он коротко кивнул, принимая ответ.

— Имя администратора, выдавшей карту, запомнили?

— Мария. На бейдже фамилия Соколова. Она попросила паспорт, сверила данные и позвонила кому-то перед тем, как отдать конверт.

— Кому?

— Если бы она включила громкую связь, я бы обязательно уточнила.

Он не ответил, но я поняла, что перестала быть для него случайной женщиной, забредшей не в тот номер. Он проверял последовательность моих действий и получал ответы быстрее, чем рассчитывал.

— Вы всегда устраиваете собеседование людям, случайно оказавшимся в вашем гостиничном номере?

— Только тем, кто успевает осмотреть мой стол.

— Папка лежит на виду.

— Но вы прочли название.

Я посмотрела на буквы, которые можно было различить от двери.

— Крупный шрифт — слабое средство защиты информации.

Северин наконец взял с кресла рубашку.

— Отвернитесь.

— Я уже видела всё, что могло нанести ущерб моей нравственности.

— Я беспокоюсь за свою.

Я снова повернулась к окну. За спиной тихо шуршала ткань. Мне не требовалось смотреть, чтобы слишком отчётливо представлять движение его рук и белую рубашку на ещё влажной коже.

Я сосредоточилась на комнате.

Северин жил здесь не первый час, но личных вещей почти не было. На краю стола стояла чашка с остывшим чаем. Рядом лежали два телефона, ключи и бумажный список, испещрённый короткими пометками. Ни дорожной сумки, ни раскрытого чемодана. Вероятно, номер использовался временно — переодеться, принять душ, подготовиться к встрече.

На кресле возле окна висел второй пиджак. На полу стояли мужские туфли, натёртые до блеска, но с влажными подошвами. Значит, Северин тоже недавно попал под дождь и не приехал сюда из соседнего кабинета.

— Можете поворачиваться.

Он успел надеть брюки и рубашку, но не застегнул верхние пуговицы. Так стало спокойнее. Не намного.

В дверь постучали.

Северин открыл. На пороге появились мужчина в тёмном костюме и та самая Мария Соколова. Девушка была бледнее своей белой блузки.

— Максим Андреевич, прошу прощения, — начала она. — Произошла ошибка с гостевой картой.

— Я заметил.

Мария посмотрела на меня. В её взгляде смешались ужас, надежда и желание проснуться где-нибудь в другом месте.

— Валерия Сергеевна, ваша карта должна была открыть номер 1416. Я получила подтверждение и положила её в подписанный конверт. Возможно, карты перепутались при кодировании.

— Возможно? — переспросил Северин.

Дежурный менеджер вмешался прежде, чем она успела ответить:

— Мы проверим журнал операций. Для Валерии Сергеевны уже подготовлена переговорная на пятнадцатом этаже.

— Кто подтвердил выдачу карты? — спросил Северин.

Мария перевела взгляд на менеджера.

— Операционный офис. Запрос пришёл в систему около двадцати минут назад.

— От кого именно?

— Я не посмотрела фамилию. Там был внутренний аккаунт.

Он застегнул манжету, не торопясь и не повышая голоса.

— Сохраните журнал. Ничего не исправляйте до выгрузки. Мария, вы не уходите со смены, пока служба безопасности не зафиксирует вашу версию. Это не дисциплинарное взыскание. Мне нужна последовательность действий.

Девушка выдохнула. Совсем немного, но я заметила: он не унизил её перед нами и не сделал виноватой до проверки.

— Валерия Сергеевна, — обратился ко мне менеджер, — я провожу вас в переговорную.

— Не нужно, — сказал Северин. — Встреча состоится здесь.

Я посмотрела на него.

— Вы уверены?

— Уже одет. Главная угроза устранена.

Он произнёс это без улыбки, но Мария поспешно опустила глаза. Дежурный менеджер сохранил лицо человека, которого учили не замечать странности богатых постояльцев.

— Принесите чай, — продолжил Северин. — И найдите для Валерии Сергеевны сухое пальто до конца встречи.

— Моё пальто высохнет само.

— В этом номере хорошая вентиляция. Но не настолько.

Я хотела отказаться ещё раз, однако промокшая ткань холодила плечи, а независимость не стоила воспаления лёгких. Я сняла пальто и передала Марии.

Девушка ушла вместе с менеджером. Дверь закрылась.

На мне остались брюки и светлая блузка, которая тоже получила свою долю дождя. Не прозрачная, к счастью, но достаточно влажная, чтобы я пожалела об отсутствии пиджака.

Северин снял со спинки кресла тот, который я заметила первым, и протянул мне.

— Наденьте.

— Через пять минут принесут чай, а не зиму.

— Через пять минут вы перестанете дрожать и сможете убедительно утверждать, что это от возмущения.

Я хотела сказать, что не дрожу. Потом посмотрела на собственные пальцы и решила не начинать наше возможное сотрудничество с настолько слабой лжи.

Пиджак оказался тёплым. Рукава закрыли ладони почти до кончиков пальцев, а ткань пахла чистой шерстью и чем-то древесным.

Северин указал на кресло у стола.

— Садитесь.

— Это просьба или особенность корпоративной культуры?

— Проверка способности выполнять простые инструкции.

— Боюсь, я вам не подхожу.

Северин дождался, пока я всё же подойду к креслу.

— Я ещё не решил.

Я села. Он занял место напротив, закрыл серую папку и развернул её корешком к себе. Теперь он защищал документы — но сделал это после того, как убедился, кто перед ним.

— Вас рекомендовала Елена Михайлова, — сказал Северин. — Вы нашли схему с лизинговым оборудованием в её клиниках.

— Схему нашёл бухгалтер, который три года сохранял копии накладных. Я убедила его показать их не тем людям, которых он боялся.

— Скромность?

— Точность. Они редко совпадают, но сегодня вам повезло.

Его пальцы остановились на корешке папки.

— Почему ушли в независимую практику?

— Чтобы заказчик не мог заменить выводы отчёта после моей подписи.

Он провёл пальцем по краю папки.

— С заказчиками трудно.

— С проверяемыми обычно ещё труднее.

— Вы считаете меня проверяемым?

— Если речь идёт о деньгах вашей компании, вы входите в список первым.

Северин откинулся на спинку кресла. Между нами стоял низкий стол, но его присутствие заполняло куда больше пространства, чем позволяло расстояние.

— Тогда сформулирую задачу, — сказал он. — За восемь месяцев расходы на ремонт и оснащение трёх объектов превысили утверждённый бюджет на сто восемьдесят миллионов. Часть товаров оплачена, но не поставлена. Два внутренних отчёта содержат противоречащие друг другу сведения. Три недели назад конкурент получил данные о гостях нашей программы лояльности.

— Вы связываете хищения и утечку?

— Я рассматриваю такую возможность.

Ответ прозвучал так, словно остальные возможности он уже перебрал без меня.

— Внутренняя служба безопасности?

— Проверяет.

Одно слово закрыло тему надёжнее сейфа.

— Результатами поделится?

— В согласованном объёме.

— Тогда я не возьмусь.

Он замолчал. Я сняла его пиджак, аккуратно сложила на подлокотнике и потянулась за телефоном.

— Вы отказываетесь, не услышав условий.

— Я услышала главное. Вы хотите независимое заключение, сохранив возможность выбирать, какие сведения мне показывать. Для этого не нужен исследователь. Нужен дорогой человек с убедительной подписью.

— Вы дорогая?

— Достаточно, чтобы не соглашаться на бессмысленную работу.

Северин взял папку «Альтаир Дизайн» и положил передо мной.

— Здесь один из контрактов. Посмотрите.

— Сейчас?

— Вы уже начали.

— Я прочла название.

Он подтолкнул папку ещё ближе ко мне.

— И собирались уйти с ним в памяти.

Я открыла папку.

Внутри лежал договор на поставку мебели и светового оборудования для загородного отеля. Несколько приложений, счета, график платежей. Первые две страницы выглядели нормально. На третьей сумма комплекта мебели для стандартного номера заставила меня вернуться к спецификации.

— У вас кровати из редкого дерева, которое растёт на обратной стороне Луны?

— Бук.

— Тогда сто восемьдесят миллионов начинают выглядеть правдоподобно. Не расходы — превышение.

Он ничего не сказал.

Я перелистнула приложение. Подписи, даты, визы финансового отдела. Исполнение подтверждено двумя разными сотрудниками. В углу последней страницы стояла электронная отметка об изменении документа через четыре дня после подписания.

— Кто имеет право заменять приложения?

— Руководитель проекта, операционный директор, финансовый директор и я.

— Сколько из них ваши родственники?

— Один.

Я задержала палец на строке с подписью руководителя проекта.

— Уже интереснее.

Я закрыла папку. Северин наблюдал не за документами, а за мной.

— Полный доступ, — сказала я. — К договорам, журналам изменений, служебной переписке и результатам внутренней проверки. Я сама определяю порядок интервью. Вы получаете отчёт одновременно с советом директоров, если совет является заказчиком.

— Заказчиком являюсь я.

— Тогда я должна иметь право проверять вас.

— Это обязательное условие?

Северин смотрел на меня без прежней иронии.

— Первое.

В дверь снова постучали. Принесли чай и сухой женский тренч, вероятно снятый с манекена в гостиничном бутике. Северин попросил поставить поднос и отпустил сотрудника.

Когда мы остались вдвоём, он налил чай сначала мне, потом себе. На его чашке остался след воды с манжеты. Он сразу вытер его салфеткой и поправил ложку, лежавшую под углом к блюду.

Человек, который замечает криво положенную ложку, не мог восемь месяцев не видеть сто восемьдесят миллионов. Либо он контролировал не всё, либо хотел, чтобы я так решила.

— Завтра в десять, — сказал Северин. — Центральный офис. Получите временный доступ и познакомитесь с руководителями.

— Это согласие на мои условия?

— Это следующая встреча.

— Я не люблю работать в неопределённости.

Он перевёл взгляд на моё запястье.

— Поэтому вы снимаете часы перед сложным разговором?

Я посмотрела на левое запястье. Часы лежали в боковом кармане сумки. Я сняла их ещё в такси, когда координатор перенёс встречу в гостиницу.

— Они мешают мне думать.

— Вы проверяете время на телефоне каждые несколько минут.

— А вы внимательно наблюдаете за людьми, которых якобы впервые видите.

Наши взгляды встретились. На этот раз он не отвёл глаза и не стал прикрывать паузу чаем.

— Невнимательность дорого мне обходится, Валерия Сергеевна.

— Судя по вашим контрактам, внимательность тоже.

Он всё-таки улыбнулся. Коротко, почти устало. Улыбка сделала его моложе и опаснее для моей объективности. Я сразу вернула чашку на стол.

— Завтра в десять, — повторила я. — Если доступ будет ограничен, встреча станет последней.

— Справедливо.

Мы поднялись. Я надела сухой тренч. Он оказался мне велик, но после мокрого пальто ощущался почти роскошью. Телефон вернулся в сумку, часы — на запястье.

Северин проводил меня до лифта. Коридор четырнадцатого этажа был пуст, ковёр заглушал шаги. Я нажала кнопку вызова.

— Журнал выдачи карты я получу? — спросила я.

— После службы безопасности.

— Вы уже допускаете, что ошибка связана с проверкой?

— Я допускаю, что в моих отелях двери должны открываться перед теми людьми, которым выданы ключи.

На табло над лифтом медленно менялись цифры.

— Очень поэтичное начало внутреннего расследования.

— На поэзию в бюджете денег не осталось.

Лифт пришёл бесшумно. Я вошла и повернулась к нему.

Теперь, одетый в тёмные брюки и белую рубашку, Северин выглядел именно так, как на деловых фотографиях: собранный, спокойный, недоступный. Только волосы ещё не высохли, да верхняя пуговица оставалась расстёгнутой. Эти две детали почему-то раздражали сильнее полотенца.

— До завтра, Максим Андреевич.

Он придержал створку ладонью.

— Валерия Сергеевна, ещё один вопрос.

— Мы исчерпали бесплатную часть консультации.

— После «Альянс Консалт» вы не указываете прежнего работодателя в публичном резюме. Почему?

Я перестала улыбаться.

Название фирмы не звучало ни в переписке, ни в рекомендации Елены Михайловой. Из открытых профессиональных профилей я убрала его пять лет назад. В резюме, отправленном координатору «Севера», тот период был обозначен одной строкой без названия компании.

Северин видел, что я поняла.

— В десять, — сказал он и убрал руку.

Двери закрылись.

Лифт пошёл вниз, а я смотрела на собственное отражение в зеркальной стене и пыталась решить, какая из сегодняшних ошибок была хуже. То, что чужая карта открыла мне номер Максима Северина. Или то, что он, похоже, ждал именно меня.

Глава 2. Условия проверки

В половине третьего ночи я выяснила две вещи.

Первая: Максим Северин прекрасно умел исчезать из интернета, оставаясь при этом одним из самых заметных людей в своей отрасли. Интервью, фотографии с открытий, деловые рейтинги, выступления — сколько угодно. Личных подробностей почти не было. Младшая сестра работала в руководстве компании; на этом открытая биография заканчивалась. Ни загородных увлечений, ни коллекции дорогих автомобилей, ни обязательной яхты, которую мужчины его положения заводят раньше, чем успевают полюбить воду.

Вторая: название «Альянс Консалт» не появлялось рядом с моей фамилией в открытом поиске.

Я проверила старые страницы через архив, платные базы и три варианта написания имени. Нашла фотографию с конференции десятилетней давности, где стояла в третьем ряду за чужим плечом. Подписи под снимком не было. В публикации о деле «Вектора» меня называли независимым консультантом, хотя независимость появилась через несколько месяцев после скандала.

Северин не мог узнать прежнего работодателя случайно.

Вопрос заключался в том, зачем человеку с двенадцатью отелями понадобилось так тщательно изучать женщину, с которой он ещё не заключил договор.

Ответа не нашлось. Зато нашлись четыре часа сна и желание задать Максиму Андреевичу несколько вопросов без полотенца, дождя и его пиджака на моих плечах.

В центральный офис «Севера» я приехала в девять сорок две.

Компания занимала шесть этажей в обновлённом здании бывшей ткацкой фабрики. Красный кирпич, чёрный металл, высокие окна. Внутри сохранили старые колонны и часть рельсов, по которым когда-то двигались тележки. Пространство сообщало посетителю, что здесь умеют превращать прошлое в дорогое настоящее.

На стойке охраны меня уже ждали.

— Валерия Воронцова? — спросил мужчина лет сорока пяти в тёмном костюме.

Он не носил бейджа, не улыбался и стоял так, чтобы видеть одновременно вход, лифты и мои руки. Короткая стрижка, крепкая шея, старый шрам возле правого виска. Руководителя службы безопасности обычно узнаёшь раньше, чем он представляется.

— Зависит от того, с какой целью интересуетесь.

— Глеб Марков. Служба безопасности.

— Тогда зависит особенно сильно.

Он протянул временный пропуск.

— Телефон и ноутбук нужно зарегистрировать. Фотографировать в рабочих помещениях запрещено. Подключение внешних накопителей заблокировано. Все запросы информации проходят через меня.

— Последнее правило действует до подписания договора.

— Оно действует для всех внешних консультантов.

Я положила на стойку паспорт, но пропуск не взяла.

— Тогда найдите консультанта, готового расследовать действия вашей службы безопасности через вашу службу безопасности.

Марков посмотрел на меня без раздражения. Вероятно, эта эмоция у него входила в стандартное выражение лица и отдельно не отображалась.

— Максим Андреевич предупреждал, что вы начнёте с этого.

— И всё равно отправил вас сообщить правило?

— Хотел проверить, начнёте ли.

— Передайте, что первое испытание я прошла. Теперь его очередь.

Марков забрал паспорт, внёс данные в систему и подвинул пропуск ближе.

— Ваши устройства регистрируют, но доступ через меня пока остаётся. Дальше решите наверху.

— Что показал журнал по карте от номера?

— Внутренняя проверка не закончена.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Он первым направился к лифтам. По дороге поздоровался с двумя сотрудниками по именам, заметил оставленную у колонны коробку и, не повышая голоса, попросил убрать её с прохода. Люди реагировали быстро, но не испуганно.

— Вы давно работаете с Севериным? — спросила я.

— Достаточно.

— Это сколько в годах?

— Достаточно, чтобы не обсуждать его в лифте.

Двери закрылись. Я посмотрела на своё отражение в металле.

— Хорошо, что мы ещё не в лифте.

Марков нажал кнопку шестого этажа.

— Теперь уже в нём.

По его лицу ничего нельзя было понять, однако кнопку он нажал не сразу.

На шестом этаже нас встретила помощница Северина — невысокая женщина с гладко собранными волосами и планшетом в руках. Не та координатор, с которой я переписывалась накануне.

— Доброе утро, Валерия Сергеевна. Я Инна. Максим Андреевич ждёт вас. Ваше пальто из отеля доставят после химчистки.

— Надеюсь, не за счёт ста восьмидесяти миллионов.

Инна моргнула. Марков отвернулся к окну.

— Расходы принял отель, — ответила она после короткой паузы. — Прошу за мной.

Кабинет Северина располагался в углу этажа, но не был отделён от остальных помещений длинным коридором или приёмной размером с вокзал. Стекланные стены можно было затемнить одним нажатием. Сейчас они оставались прозрачными. Максим сидел за столом в белой рубашке и тёмно-синем жилете, просматривая бумаги.

Верхняя пуговица была застёгнута. Я отметила это с неоправданным разочарованием.

— Доброе утро, — сказал он, поднявшись. — Вы раньше.

— Вы тоже. Вчера мне сообщили, что вы задерживаетесь.

— Планы изменились.

— До или после того, как карта от вашего номера оказалась в конверте с моей фамилией?

Он указал на кресло возле круглого стола. Там лежали две копии договора, блокноты и ручки.

— Журнал операций сохранён. Запрос на выпуск карты поступил из операционного офиса. Использовалась учётная запись помощника одного из руководителей. Он утверждает, что не отправлял запрос.

— Имя руководителя?

— Будет в материалах после заключения договора.

Я провела ногтем по краю верхней страницы, не открывая её.

— Удобный ответ.

— Законный.

Марков остался возле двери. Я села и сняла часы. Максим заметил движение, но ничего не сказал.

Первую копию договора подготовили ещё до нашей встречи. Во второй красным цветом были отмечены изменения, о которых я говорила в гостинице: право запрашивать документы без предварительного согласования с Максимом, доступ к журналам изменений и возможность включать владельца компании в перечень проверяемых лиц.

Он не просто слушал. Он запоминал формулировки.

— Быстро, — сказала я.

— У нас хороший юридический отдел.

— Или вы решили нанять меня раньше, чем сделали вид, что сомневаетесь.

— Я сомневался в том, сумеете ли вы войти в номер. С этим вы справились.

Вчерашняя почти-улыбка снова появилась у него в глазах.

— Не рекомендую включать в договор перечень дополнительных услуг.

Максим сел напротив. Сегодня между нами находился широкий стол, два юриста за стеклянной стеной и вполне приличное количество одежды. Это не мешало мне помнить, как вода стекала по его шее.

Я открыла договор.

Предмет, сроки, вознаграждение, ответственность. Гонорар оказался на двадцать процентов выше моей стандартной ставки. Не подарок: срочность, масштаб и репутационный риск стоили дороже. Отдельным пунктом компания оплачивала Соню как технического специалиста после согласования её кандидатуры.

На четвёртой странице обнаружилось первое настоящее препятствие.

— «Объём предоставляемой информации определяется заказчиком с учётом коммерческой необходимости», — прочла я. — Убираем.

— Переформулируем.

— Убираем.

— В компании есть персональные данные гостей, медицинские сведения сотрудников и материалы по инвестиционной сделке. Вы не получите всё по первому запросу без объяснения цели.

Он говорил спокойно, но ладонь уже легла поверх спорной страницы.

— Я объясню цель независимому юристу, связанному обязательством конфиденциальности. Вы не будете решать, какая информация способна подтвердить вашу собственную вину.

— Моей вины в чём?

— Это выясняется после проверки.

— Вы с первой встречи рассматриваете заказчика как подозреваемого?

— Как человека с полномочиями, доступом и мотивом. Ваша фамилия на вывеске не даёт иммунитета.

Марков у двери едва заметно переместил вес с одной ноги на другую. Я не знала, нервничает он или пытается не засмеяться. Второе казалось маловероятным, но после лифта я оставляла такую возможность.

— Независимый юрист, — согласился Максим. — Не ваш бывший работодатель и не человек, связанный с советом директоров.

Упоминание бывшего работодателя снова прозвучало нарочно.

— Почему вас интересует «Альянс Консалт»?

— Меня интересуют все обстоятельства, способные повлиять на вашу объективность.

— Кто сообщил вам название?

— Я проверяю людей, которых допускаю к внутренней информации.

Максим не отвёл глаз. Для него этот ответ явно исчерпывал тему.

— Вы проверяли меня лично?

— В том числе.

Он отвечал прямо и всё же не давал ответа.

— Полный отчёт одновременно вам и аудиторскому комитету совета, — сказала я, возвращаясь к договору. — Не всему совету: там слишком много заинтересованных лиц. Три человека, не участвовавших в операционных решениях.

— Сначала мне.

— Одновременно.

— Вы работаете по моему контракту.

Я подвинула к нему второй экземпляр, оставив ручку на спорной строке.

— А расследовать должна независимо от вас. Иначе мы снова возвращаемся к дорогому человеку с убедительной подписью.

Максим взял ручку. Несколько секунд вертел её между пальцами, потом зачеркнул спорный пункт.

— Одновременно.

Я не улыбнулась. Победа в переговорах похожа на найденную улику: если слишком рано радоваться, можно перестать замечать последствия.

Мы спорили ещё сорок минут. Он требовал письменного обоснования для доступа к личной переписке руководителей. Я согласилась. Я потребовала запретить удаление документов и замену файлов на время проверки. Он добавил ответственность за нарушение запрета. Компания сохраняла право ограничить доступ к данным гостей, но независимый юрист должен был подтверждать обоснованность каждого ограничения.

Марков получил копию всех запросов, однако не мог их отклонять.

Последним осталось право прекратить договор.

— Любая сторона, — сказала я. — За двадцать четыре часа. Материалы на момент расторжения сохраняются у независимого юриста.

— Вы заранее готовитесь уйти?

— Я заранее готовлюсь к тому, что вы захотите меня убрать.

— Уверены, что дадите повод?

Он уже держал ручку над строкой для подписи.

— Уверена, что найду его у вас.

Он задержал на мне взгляд и поставил подпись.

— Теперь вы действительно дорогой человек с убедительной подписью, Валерия Сергеевна.

— Зато бесполезной работой это уже не будет.

Я подписала оба экземпляра и надела часы. Было одиннадцать ноль семь.

— Познакомимся с теми, кого вы собираетесь подозревать, — сказал Максим.

— Я предпочитаю слово «проверять».

— Они тоже.

Совещание проходило через стеклянную перегородку, в комнате с длинным столом и видом на крыши соседних зданий. Внутри нас ждали трое.

Первым поднялся мужчина примерно одного возраста с Максимом. Светлые волосы с ранней сединой, мягкая улыбка, светло-серый костюм без галстука. Он пожал мне руку обеими ладонями — жест, который должен был сообщать об открытости и всегда заставлял меня считать пальцы после встречи.

— Антон Демин. Операционный директор. Наконец-то Максим согласился, что проблему нельзя решить, просто сильнее на неё посмотреть.

— Иногда помогает, — сказал Максим.

— Только сотрудникам с развитым чувством вины.

Антон говорил легко, но встал так, чтобы между нами и Максимом оставалось свободное пространство. Не подчинённый возле начальника — второй хозяин комнаты.

Рядом с ним сидела молодая женщина в широких чёрных брюках и кремовом жакете. Тёмные волосы до плеч, те же серые глаза, что у Максима, только взгляд живее и жёстче.

— Полина Северина, директор по бренду, — представилась она, не протягивая руки. — Я отвечаю за концепции обновления и выбор части подрядчиков. Поэтому, полагаю, вы начнёте с меня.

— Начну с документов. Люди обычно успевают испортить впечатление позже.

Уголок её рта дрогнул, но она быстро вернула лицу настороженность.

Третьим оказался Глеб Марков. Он вошёл следом за нами и теперь занял место у стены, хотя стульев было достаточно.

— Мы уже познакомились, — сказала я.

— Она отказалась работать через службу безопасности, — сообщил он Максиму.

— Я знаю. Это записано в договоре.

Глеб посмотрел на мою копию так, как люди смотрят на документ о выселении.

Максим остался стоять во главе стола.

— Валерия Сергеевна проводит независимую проверку расходов, договоров и утечки данных. Она имеет право запрашивать информацию у любого сотрудника, включая меня. Попытка скрыть, заменить или удалить материалы будет зафиксирована отдельно. Доступ ограничивается только через независимого юриста.

— Кто выбрал юриста? — спросила Полина.

— Мы выберем его совместно, — ответила я.

— Значит, пока вы ничего не получите.

Полина произнесла это быстро, однако Максим не поддержал её ни словом, ни взглядом.

— Получу документы, не содержащие защищённых данных. Например, договоры, которые подписывали вы.

Полина сцепила пальцы на столе.

— Я не скрываю своих подписей.

— Прекрасно. Мне не придётся их искать.

— Валерия Сергеевна, — мягко вмешался Антон, — здесь никто не заинтересован мешать проверке. Компания готовится к сделке, люди напряжены. Давайте не превращать первую встречу в допрос.

— Допрос требует полномочий, которых у меня нет. Я задаю вопросы. Отказ отвечать тоже является ответом, только хуже оформленным.

Антон рассмеялся. Не демонстративно — с видимым удовольствием.

— Теперь понимаю, почему Максим выбрал именно вас.

Я посмотрела на Северина.

— А я пока нет.

Он выдержал мой взгляд.

— Разберётесь в процессе.

Фраза предназначалась всем, но прозвучала слишком лично. Полина перевела глаза с брата на меня и задержалась на секунду дольше необходимого. Видимо, история с номером успела добраться до шестого этажа быстрее моего сухого пальто.

— Начнём с перечня подрядчиков за последние два года, — сказала я. — Договоры, приложения, версии файлов, данные об ответственных сотрудниках и согласования платежей. Отдельно — журнал доступа к программе лояльности за последние четыре месяца.

— Объём большой, — заметил Глеб.

— Поэтому я попросила его в первый день, а не накануне отчёта.

— Отделы остановят текущую работу, если начнут собирать всё сразу, — сказала Полина. Антон повернулся к ней раньше, чем Максим успел вмешаться.

— Не остановят. Базовую выгрузку сделаем к вечеру. Полные версии договоров — завтра. Я распоряжусь.

Он назвал имена руководителей закупок и финансового контроля, номера этажей, даже сотрудницу, которая хранила бумажные приложения к старым договорам. Операционную работу Антон знал не по презентациям.

Максим слушал молча. Его лицо не изменилось, но ручка в пальцах остановилась, когда Антон пообещал доступ к финансовым выгрузкам без дополнительного согласования.

— Благодарю, — сказала я. — С каждым из вас поговорю отдельно. Расписание пришлю сегодня.

— Со мной первым, — предложил Антон. — Покажу, как устроены процессы. Без этого цифры могут создать неверное впечатление.

— Цифры редко создают впечатление сами. Обычно им помогают люди.

— Тогда познакомлю вас с помощниками.

Совещание закончилось без рукопожатий. Полина ушла первой, забрав папку и не попрощавшись. Глеб получил звонок и направился к лифтам. Максим задержался у двери, однако Инна позвала его на следующую встречу.

— Временный кабинет на пятом этаже, — сказал он мне. — Всё необходимое уже там.

— Кроме ответов.

— Для них вы и пришли.

Он ушёл. Я заметила, что смотрю ему вслед, только когда рядом заговорил Антон.

— Не обижайтесь на Полину. Она защищает брата даже тогда, когда он в защите не нуждается.

— А вы?

— Я защищаю компанию. Иногда от её владельца.

Мы пошли к лестнице. Антон предпочёл её лифту и по дороге здоровался с каждым встречным. Спросил у девушки из отдела бронирования, прошла ли простуда у дочери. Напомнил мужчине с папкой о переносе обучения. Ни разу не ошибся в имени.

— Вы давно вместе строите «Север»? — спросила я.

— С первого отеля. Максим нашёл деньги и здание, я — людей, которые согласились работать без денег первые месяцы. В подобных историях потом обычно остаётся один основатель. Так проще для интервью.

Он сказал это с улыбкой, но пальцы сильнее сжали перила.

— У вас двадцать два процента компании.

— Вы быстро готовитесь.

— Это открытые данные.

— Открытые данные редко рассказывают, сколько стоит каждый процент.

На пятом этаже Антон остановился перед дверью временного кабинета. За стеклом стояли стол, два монитора и пустой стеллаж.

— Один бесплатный совет, Валерия Сергеевна.

— Они самые дорогие.

— Максим умеет замечать сильные стороны людей. А потом ставит человека туда, где эта сила принесёт максимальную пользу компании. Со стороны это выглядит как доверие.

— А изнутри?

Антон приложил мой пропуск к замку. Дверь открылась.

— Как хорошо подобранное место в механизме.

Он пожелал удачи и ушёл, оставив после себя лёгкий запах цитрусового одеколона и предупреждение, слишком точное для обычной заботы о новом консультанте.

На столе лежал запечатанный ноутбук, канцелярский набор и новый телефон без сим-карты. Рядом стояла коробка с яблоками трёх сортов.

Я посмотрела на неё дольше, чем следовало.

В публичном резюме не было ни прежнего работодателя, ни моей привычки есть яблоки, когда нервничаю.

Я выбрала кислое зелёное яблоко и включила ноутбук.

Доступ оказался шире, чем обещал Глеб. В общей папке уже лежали структура компании, список руководителей и перечень из ста сорока трёх подрядчиков. Без договоров и финансовых документов, но с реквизитами, адресами и ответственными подразделениями.

Я открыла список, включила фильтр по ремонту и оснащению и начала просматривать строки.

«Альтаир Дизайн». Москва, Ленинградский проспект.

«Гранд Свет». Московская область, Химки.

«Легат Проект». Москва, Большая Почтовая улица, дом двадцать шесть, строение один, офис четыреста двенадцать.

Рука с яблоком остановилась возле рта.

Адрес был знаком. Семь лет назад я набирала его столько раз, что могла бы продиктовать после наркоза.

Там находился старый деловой центр с десятками крошечных офисов, общей секретарской службой и почтовыми ящиками, которые сдавали вместе с юридическим адресом. Во время прежней проверки мне объясняли, что совпадение помещения ничего не доказывает. Формально это было верно. Практически в офисе четыреста двенадцать не оказалось ни сотрудников, ни мебели, ни следов компании, получившей за год больше шестидесяти миллионов. Только закрытая дверь и табличка, приклеенная на двусторонний скотч.

Я достала из сумки личный ноутбук, отключила беспроводную сеть и открыла зашифрованный архив старого дела. Папка «Вектор», каталог подрядчиков, выписка из реестра.

Компания «Контур».

Большая Почтовая улица, дом двадцать шесть, строение один, офис четыреста двенадцать.

Разные названия. Разные владельцы. Семь лет между регистрациями. Один и тот же адрес.

Я положила часы рядом с клавиатурой и посмотрела сквозь стеклянную стену кабинета. Этаж жил обычным рабочим днём. Люди несли кофе, обсуждали таблицы, торопились к лифтам. Где-то наверху Максим Северин проводил следующую встречу и, вероятно, уже знал, что именно я сейчас увижу.

Вчера он назвал фирму, которой не было в моём резюме.

Сегодня его компания выдала мне подрядчика, стоявшего по тому же адресу, с которого началось дело, уничтожившее мою прежнюю жизнь.

Глава 3. Первый вопрос

Соня ответила на видеозвонок с зубной щёткой в одной руке и детским носком в другой.

— Если ты опять нашла сто сорок три подрядчика в шесть вечера, знай: после девяти мой рабочий тариф удваивается.

— Сейчас семь двадцать.

— Я заранее формирую у клиента правильные ожидания.

За её спиной кто-то пробежал по коридору, хлопнула дверь, мужской голос спросил, где лежит синяя тетрадь. Соня закрыла микрофон ладонью и громко ответила, что синяя тетрадь лежит там, куда её положили, а если бы она знала куда, то не называлась бы потерянной.

Я развернула ноутбук к камере.

— Список уже есть. Сто сорок три компании, но начинать будем с двадцати восьми. Ремонт, оснащение и программное обеспечение за два года.

Соня вытащила щётку изо рта и прищурилась.

— Это «Север»?

— Контракт подписан сегодня.

— Тот самый «Север», в гостиницу которого ты вчера уехала в светлой блузке и вернулась в мужском пиджаке?

Я уменьшила окно с её изображением и открыла список подрядчиков.

— В чужом тренче. Пиджак остался у владельца.

— Какая предусмотрительность. Ещё не начала работать, а компромат уже разделила между сторонами.

Я отправила ей защищённую ссылку на список.

— Найди связи между владельцами, директорами, адресами, телефонами и банками. Отдельно проверь «Легат Проект».

Соня заметила перемену в моём голосе. Щётка и носок исчезли из кадра. Она села перед экраном.

— Что с ним?

— Юридический адрес совпадает с адресом «Контура».

Она не спросила, какого именно. Семь лет назад Соня работала в другом отделе «Альянс Консалт» и оказалась одним из трёх человек, которые продолжили со мной разговаривать после утечки отчёта. Двое других были курьером и женщиной из столовой. Курьер считал меня секретарём. Женщине из столовой было всё равно, кто украл документы, пока я возвращала поднос.

— Полностью? — спросила Соня.

— До номера офиса.

— Это может быть массовая регистрация. — Она уже печатала адрес в поисковой строке.

— Может.

— Ты уже решила, что не может.

Я посмотрела на открытые рядом выписки. Она была права, что не улучшало настроения.

— Поэтому звоню тебе. Мне нужен человек, который не влюблён в первую версию.

— Я влюблена в сон. Он отвечает взаимностью редко и недолго.

Соня открыла присланный файл на втором экране.

— Дай мне до завтра. По базовым сведениям пройдуся утром, глубокие связи займут пару дней. И пришли договор, чтобы я знала, за какие действия нас посадят вместе, а за какие раздельно.

— Всё в рамках закона.

— Самые страшные слова после «нам нужно поговорить».

Из коридора снова позвали маму. Соня закатила глаза и потянулась к кнопке завершения звонка.

— Лера, не делай ничего одна до моего ответа.

— Я никогда ничего не делаю одна.

— Ты живёшь одна, работаешь на себя и семь лет отказываешься заводить общий календарь даже со стоматологом.

На заднем плане её сын наконец нашёл тетрадь и победно пронёс её мимо камеры.

— Но иногда звоню тебе.

— Именно поэтому ты ещё жива и всё ещё должна мне за прошлый месяц.

Экран погас.

Я осталась в квартире с ноутбуком, тремя распечатками и зелёным яблоком, которое принесла из офиса «Севера». Возможно, коробку действительно поставили для всех консультантов. Возможно, Максим сообщил помощнице мои предпочтения после изучения профиля. А возможно, я превращала обычные фрукты в часть заговора, потому что рядом с Севериным любое совпадение начинало вести себя подозрительно.

Я отнесла яблоко на кухню и положила в холодильник.

До полуночи я сортировала подрядчиков не по суммам, а по способу появления в компании. Победители тендеров в одной группе, поставщики по прямым договорам — в другой, исключения из обычной процедуры — отдельно. «Легат Проект» оказался в третьей группе. Его привлекли срочно, без конкурса, после отказа прежнего поставщика. Решение согласовали за два дня. Для обычной закупки слишком быстро, для спасения сорванного проекта — правдоподобно.

«Альтаир Дизайн» прошёл полноценный отбор, но цена выросла после подписания приложений. «Гранд Свет» работал с «Севером» давно и выглядел устойчиво. Если схема существовала, она не ограничивалась одним способом. Либо несколько несвязанных проблем случайно встретились в одном отчёте, либо кто-то хорошо знал внутренние правила и каждый раз выбирал подходящую слабость.

Я создала таблицу с тремя колонками: «Факт», «Возможное объяснение», «Что опровергнет версию». В первой строке записала совпавший адрес. Во второй — осведомлённость Максима о моём прошлом. В третьей — ошибочную карту от номера.

На следующее утро первое официальное интервью назначили на девять тридцать.

Я приехала к восьми сорока пяти. Временный кабинет встретил меня включённым отоплением, новой пачкой бумаги и той же коробкой яблок. Одного зелёного не хватало. Значит, никто не пополнял набор специально к моему приходу.

Ночью в систему загрузили первые выгрузки. Договоров было меньше обещанного, зато появились журналы изменений и реестр прав доступа. Я быстро проверила даты. После моего вчерашнего запроса документы никто не удалял, но четыре папки перенесли в раздел с ограниченным доступом. Три содержали сведения о гостях. Четвёртая относилась к инвестициям семилетней давности.

Я внесла её в список запросов и не стала открывать до интервью. Мне хотелось увидеть реакцию Максима раньше, чем он получит возможность подготовить объяснение.

На столе лежал список вопросов. Я составляла его ночью, меняла порядок утром и теперь собиралась изменить ещё раз. Первый вопрос часто определял весь разговор. Спросишь о деньгах — человек начнёт защищать цифры. Спросишь о людях — станет выбирать, кого спасти. Спросишь о времени — получишь версию, подготовленную под хронологию.

Мне хотелось начать с «Откуда вы знаете моё прошлое?». Поэтому начинать следовало с другого.

Я сняла часы и положила рядом с блокнотом. Из сумки выскользнул небольшой тканевый мешочек. Старая бабушкина колода с иллюстрациями путешествовала со мной много лет и

редко покидала квартиру. Я взяла её вчера, когда достала из шкафа зашифрованный архив «Вектора». Там она и лежала — между запасным зарядным устройством и упаковкой таблеток от головной боли.

Бабушка вытягивала одну карту перед сложными разговорами. Утверждала, что рисунок не сообщает будущее, зато хорошо показывает, о чём человек уже думает и боится признаться.

Я перемешала колоду, сняла верхнюю карту и положила на блокнот.

Женщина в светлом платье спокойно удерживала пасть льва. Не боролась, не отталкивала, не пыталась доказать превосходство. На старой картинке лев доставлял ей меньше хлопот, чем мне один владелец гостиничной сети.

— Очень своевременно, — сказала я карте. — Осталось определить, кто здесь лев и почему он опять без нормального количества одежды.

Изображение сохранило достоинство. Я убрала колоду обратно и открыла блокнот.

Через десять минут в кабинет вошёл Максим.

Один, без Маркова, юристов и помощницы. Тёмный костюм, белая рубашка, серый галстук. Сегодня одежда присутствовала в полном составе.

Он положил на стол свой телефон и тонкую папку.

— Доброе утро.

— Садитесь туда, где вам будет неудобнее всего.

Максим оглядел два одинаковых кресла.

— Вы предусмотрели сложный выбор.

— Первое испытание на самостоятельность.

Он выбрал кресло спиной к стеклянной стене. Значит, хотел видеть меня и дверь, не отвлекаясь на людей в коридоре. Или знал, что я обращаю на это внимание, и давал первую безопасную деталь для анализа.

— Я буду записывать разговор, — сказала я. — Аудиофайл получим мы оба. Возражения?

— Нет.

Я включила диктофон, назвала дату, время и участников. Максим дождался, пока красный индикатор загорится ровно, и только после этого откинулся на спинку.

— Когда вы впервые узнали о превышении бюджета? — спросила я.

— Двадцать второго августа. Финансовый директор сообщил о разнице между планом и фактическими платежами по проекту «Берег».

— Какая сумма была установлена на тот момент?

— Сорок семь миллионов.

Он не посмотрел ни в папку, ни в телефон.

— Почему внутреннюю проверку начали только в сентябре?

— Сначала предполагали ошибку распределения расходов между корпусами. Понадобилось восстановить версии бюджетов и проверить поставки.

Я отметила дату рядом с суммой.

— Кто предложил эту версию?

— Антон Демин и финансовый директор Олег Карпов. Я согласился.

Ответы были точными. Даты, суммы, фамилии. Ни одного лишнего слова. Максим не вспоминал — воспроизводил заранее собранную хронологию.

— Когда возникло подозрение в хищении?

— Третьего сентября. Не нашли часть оборудования, отмеченного как принятое на складе.

— Кто подписал приёмку?

— Руководитель проекта и сотрудник склада. Оба утверждают, что подписи настоящие, а перечень оборудования в приложении изменён позднее.

Максим назвал их фамилии, когда я попросила, и не попытался сделать виноватыми заранее.

— Изменён кем?

— Это предстоит установить вам.

Он говорил без раздражения. Даже слишком охотно для человека, который вчера пытался ограничить мне доступ. Я пометила на полях: «Хронология подготовлена до вопроса».

— Почему вы связали расходы с утечкой данных гостей?

— Не связал. Временное совпадение и возможность участия одного сотрудника требуют совместной проверки.

— Какого сотрудника?

— Пока не назову.

Я перестала писать и дала паузе вытянуть продолжение. Максим выдержал её спокойно.

— Причина?

— У вас нет подтверждений, что этот человек связан хотя бы с одним эпизодом. Предварительное имя направит проверку в удобную для меня сторону.

— Вчера вы не слишком беспокоились о направлении, когда положили передо мной договор «Альтаир Дизайн».

Он чуть наклонил голову.

— Вы уже прочли название. Мне оставалось либо отобрать папку, либо позволить вам сделать то, ради чего вас пригласили.

— Отобрать вы бы не успели.

— Я был босиком, Валерия Сергеевна, а не парализован.

В его голосе появилась знакомая сухая интонация. Я подняла взгляд от блокнота. Несколько секунд мы оба помнили номер 1418 гораздо отчётливее, чем требовало расследование.

Я первой вернулась к вопросам.

— Кто принял решение привлечь внешнего специалиста?

— Я.

— Когда?

— Тринадцатого сентября.

Эту дату я обвела. Она предшествовала последней крупной утечке, которой компания объясняла срочность моего появления.

— Почему именно меня?

— Рекомендации, опыт внутренних расследований, отсутствие действующих контрактов с нашими конкурентами.

— И «Альянс Консалт».

Максим не изменил позы.

— В том числе ваш прежний опыт.

— Назовите источник информации.

— Проверка биографии проводилась законными способами.

Я закрыла ручку колпачком. Шорох пластика прозвучал в тишине заметнее, чем должен был.

— Это не название источника.

— В рамках нынешнего интервью источник не имеет отношения к расходам «Севера».

Он не отказался отвечать. Он определил границу вопроса и оставил меня снаружи. Идеально вежливо, почти честно.

— Хорошо. Поговорим о подрядчиках.

Я развернула к нему распечатку.

— «Альтаир Дизайн», «Гранд Свет», «Легат Проект». Когда вы впервые слышали каждое из этих названий?

Максим посмотрел на список.

— «Альтаир» представляли на комитете по закупкам в прошлом году. «Гранд Свет» работает с нами около пяти лет. Название «Легат Проект» увидел в августе, когда началась проверка договоров.

— Вы утверждали договор с «Легатом» лично?

— Нет. Сумма не требовала моего согласования.

Я нашла нужную строку в реестре и отметила порог суммы.

— Кто утверждал?

— Полина подписала договор как руководитель направления. Антон согласовал исключение из тендерной процедуры. Финансовый отдел подтвердил лимит.

Максим перечислил звенья без попытки выделить одно из них.

— Почему сделали исключение?

— Срочность поставки. Предыдущий поставщик сорвал срок.

— Вы читали заключение службы безопасности по «Легату»?

— После начала внутренней проверки.

Он перевернул лежащую перед ним папку, хотя так и не открыл её.

— Что в нём было?

— Компания существует четыре года, судебных претензий нет, налоги платит, штат небольшой. Репутационных рисков на дату заключения договора не выявили.

Именно этого я ждала. Про «Альтаир» Максим назвал комитет и год. Про «Гранд Свет» — длительность работы. Про «Легат» воспроизвёл содержание проверки, хотя якобы увидел название лишь несколько недель назад. Он не помнил численность старого поставщика света, зато знал размер штата компании, которую, по его словам, впервые заметил после начала проблем.

Я не пыталась читать ложь по движению глаз или положению рук. Мне требовалось другое: отличие между тем, как человек отвечает на ожидаемый вопрос, и тем, как реагирует на слово, которого не должно быть в его версии событий.

Я постучала ногтем по адресу в распечатке.

— Большая Почтовая, двадцать шесть, строение один, офис четыреста двенадцать. Этот адрес вам знаком?

— Теперь да.

— А до моего запроса?

— Не обращал внимания.

Я повернула лист так, чтобы адрес оказался перед ним.

— По этому адресу раньше была зарегистрирована компания «Контур».

Максим выдержал паузу меньше двух секунд. Для обычного разговора — ничего. Для человека, который до этого отвечал без единой задержки, — полноценное совещание.

— Что это за компания? — спросил он.

— Субподрядчик строительного холдинга «Вектор». Семь лет назад получил крупные платежи за работы, которые не удалось подтвердить.

— Не слышал этого названия.

Ложь прозвучала чисто. Без отведённого взгляда, лишнего движения или попытки сменить тему.

Я сделала пометку в блокноте.

— Вы уверены?

— Да.

— Один из первых крупных отелей «Севера» строил «Вектор».

— Генеральный подрядчик работал с десятками субподрядчиков. Их выбор не входил в мои обязанности.

Ответ прозвучал слишком быстро. Так отвечают, когда уже репетировали.

— Но «Контур» фигурировал в материалах проверки того объекта.

— Покажите материалы — прокомментирую.

Он не спросил, откуда они у меня. Не удивился связи с «Вектором». Не уточнил сумму, период или объект. Человек, впервые услышавший о старой компании, обычно пытается понять, насколько она опасна.

— Покажу, — сказала я. — После того как получу архив строительства первого отеля и документы по отношениям с «Вектором».

— Запросите у Глеба.

— Уже запросила общий доступ к старым договорам.

— Значит, получите.

Он произнёс это слишком быстро.

Я перешла к следующему блоку вопросов: инвестиционная сделка, полномочия Антона, порядок согласования платежей. Максим снова отвечал точно. Различал подтверждённые факты и предположения, не перекладывал ответственность на сотрудников, признавал собственные решения. Если не считать одной старой компании, интервью могло служить образцом сотрудничества с проверкой.

Через час я выключила диктофон.

— На сегодня достаточно.

Максим взял телефон, но не поднялся.

— Какое впечатление я произвёл?

— Вы подготовились.

— Это недостаток?

— Для человека, который не знает моих вопросов, — повод задать новые.

Максим провёл большим пальцем по краю телефона, но экран не включил.

— Вы расстроились бы, если бы я отвечал плохо?

— Я бы закончила быстрее.

Он посмотрел на карту, угол которой выступал из-под блокнота. Я не заметила, что убрала её не в мешочек, а между страницами.

— Это часть профессионального метода?

Я закрыла блокнот.

— Напоминание не кормить львов после полуночи.

— Полезное правило для гостиничного бизнеса.

— Можете включить в стандарты обслуживания.

Максим поднялся. Обошёл стол и остановился рядом, пока я складывала бумаги. Расстояние оставалось деловым, однако знакомый древесный запах вернул меня в его номер быстрее любой фотографии.

— Валерия Сергеевна.

— Да?

— Не принимайте каждую закрытую дверь за доказательство заговора.

Я застегнула сумку и посмотрела на него снизу вверх.

— Ваша открылась моей картой. После этого двери получили право меня настораживать.

Он отступил, освобождая проход.

— До следующего интервью.

— Если вы на него придёте.

Я вышла в коридор, не оглядываясь, и спустилась по лестнице, чтобы успеть разобрать разговор до того, как Максим подготовит мне следующую версию правды.

За столом я сразу перенесла заметки в свою таблицу. «Максим не знает “Контур”» попало в колонку не фактов, а утверждений. Рядом записала паузу, отсутствие уточняющих вопросов и немедленную готовность предоставить архив. Последнее работало в его пользу: человек, скрывающий старые документы, обычно не предлагает к ним доступ.

Я перечитала строку и добавила: «Проверить, не изменился ли доступ после интервью». Соня прислала первое сообщение:

«Легат менял владельцев три раза за четыре года. Текущий директор — женщина 68 лет, раньше руководила районной библиотекой. Массовый адрес. Копаю дальше».

Второе пришло через минуту:

«Контур тоже был зарегистрирован через ту же секретарскую компанию. Это ещё не связь. Не начинай войну без меня».

Я улыбнулась и открыла рабочую систему «Севера».

Раздел «Архив». Строительство и реконструкция. Старые объекты.

Первым в списке стоял городской отель «Восток» — тот самый, который «Север» открывал вместе с «Вектором» семь лет назад. Ещё утром возле названия горел зелёный значок доступа. Я видела его, когда проверяла структуру папок перед интервью.

Теперь значок был красным.

Я нажала на раздел.

«Доступ ограничен владельцем данных».

Отправила Глебу запрос и почти сразу получила звонок.

— Марков.

— Я догадалась. Почему закрыт архив «Востока»?

— Временное ограничение на копирование документов.

— Мой договор запрещает ограничивать материалы без независимого юриста.

— Читать вы сможете после проверки состава архива. Сейчас там закрытые данные по старой инвестиционной сделке.

— Когда введено ограничение?

Глеб помолчал.

— Девять минут назад.

Я посмотрела на время. Интервью с Максимом закончилось одиннадцать минут назад.

— По чьему распоряжению?

На этот вопрос Марков ответил сразу:

— Максима Андреевича.

Первый вопрос я выбрала правильно. Первый ответ Максим Северин дал мне ещё до того, как я успела его задать.

Глава 4. Человек без алиби

В девять утра архив «Востока» снова открылся.

Доступ вернули не из уважения к моему договору. Независимый юрист, которого мы выбрали накануне, просмотрел состав папок, отделил документы старой инвестиционной сделки и разрешил работать с остальным. Формально Максим выполнил условия. Практически получил двенадцать часов, чтобы решить, что именно мне можно увидеть.

Я сохранила опись файлов и сравнила её с ночной резервной копией системы. Ни одного документа не удалили. Пять переименовали, два перенесли в закрытый раздел, но их контрольные суммы остались в журнале. Если кто-то чистил архив, то делал это настолько аккуратно, что не оставил даже аккуратности.

Или Максим действительно защищал закрытые данные. Эта версия раздражала меня больше остальных: подозревать человека удобно, когда он постоянно неправ.

Архив строительства отеля «Восток» занимал почти сорок гигабайт. Договор с «Вектором», проектная документация, переписка, платёжные реестры, отчёты о задержках. Название «Контур» встречалось в трёх приложениях, но ни одного договора с этой компанией у «Севера» не было. Формально субподрядчика выбирал и оплачивал «Вектор».

Зато нашлось другое.

В нескольких текущих договорах платежи утверждались электронной подписью Максима. Семь согласований на общую сумму тридцать один миллион. Я открыла журнал входов и сопоставила даты с публичным календарём руководителя.

В трёх случаях Максим находился не в Москве.

Восемнадцатого июня он выступал на гостиничном форуме в Белграде. Подтверждение платежа прошло в четырнадцать ноль семь с рабочего компьютера в центральном офисе.

Четвёртого августа он летел из Стамбула в Москву. Его учётная запись одобрила два счёта с разницей в девять минут.

Одиннадцатого июля в календаре стояло пустое место. Ни встреч, ни поездок, ни отметок об отпуске. Однако пропуск Максима не использовался трое суток, служебная машина оставалась в гараже, а телефон подключился к корпоративной системе из зарубежной сети.

С этой же учётной записи в Москве согласовали платёж «Легат Проект».

Вариантов было несколько. Максим подписывал документы удалённо через защищённое соединение. Кто-то пользовался его учётной записью с разрешения. Доступ украли. Или журнал подделали так, чтобы владелец компании выглядел виновным.

Я проверила часовые пояса и время поездок. Белградская подпись совпадала с перерывом между выступлением Максима и круглым столом. Он вполне мог достать ноутбук и подтвердить счёт. Стамбульские платежи прошли через сорок минут после вылета по расписанию, но рейс задержался почти на час — Максим в это время ещё находился в аэропорту. Даже пустая дата одиннадцатого июля не давала удобного алиби: зарубежное подключение подтверждало только то, что его телефон или человек с доступом к нему был не в России.

В журналах не сохранилось признаков взлома. Пароль введён правильно, второй фактор подтверждён с зарегистрированного устройства, сертификат действовал. Если доступ украли, преступник получил не одну строку символов, а всю цифровую личность владельца компании.

Я выписала номера заявок и запросила исходные версии приложений на момент каждой подписи. Система показала, что четыре файла изменились позднее. Даты замен стояли в журнале, авторы изменений — нет. Вместо фамилий отображалась общая служебная запись миграции данных.

Слишком много удобных технических недостатков для компании, которая умела считать каждую гостиничную ложку.

Я отправила Максиму приглашение на короткую встречу. Он отклонил его через минуту и предложил время после пяти. Тогда я написала Антону.

Он появился в моём кабинете через семь минут с двумя бумажными папками и кофе.

— Не знаю, как вы пьёте, поэтому принёс чёрный и молоко отдельно.

— Без сахара. Спасибо.

— Уже выяснил. В бухгалтерии ведут статистику по кухне пятого этажа.

Я посмотрела на стакан.

— У вас пугающе наблюдательная компания.

— Мы продаём людям комфорт. Для этого приходится замечать, что они любят. Иногда раньше них самих.

Фраза прозвучала без второго смысла, но после яблок и осведомлённости Максима я услышала его всё равно.

Антон положил папки на стол.

— Полные приложения по «Альтаиру» и «Легату». Бумажные копии из финансового отдела. Электронные версии вам уже открыли.

— Вы лично контролируете каждый мой запрос?

— Нет. Только те, после которых три отдела звонят мне одновременно и спрашивают, можно ли вам доверять.

— И что вы отвечаете?

Антон снял пиджак и повесил на спинку свободного кресла.

— Что доверять вам не требуется. Достаточно выполнять договор.

Он сел, не дожидаясь приглашения. В отличие от Максима, выбрал кресло боком к двери и сразу разложил бумаги так, чтобы мы оба видели страницы.

— Мне нужна схема электронного согласования платежей, — сказала я. — Кто создаёт заявку, кто проверяет, кто подписывает, где хранится журнал.

— Покажу на реальном примере.

Антон открыл ноутбук и подключился к тестовой версии финансовой системы. Заявку создавал бухгалтер объекта. Руководитель проекта подтверждал поставку. Финансовый контролёр проверял бюджет. После этого документ уходил руководителю с нужным лимитом полномочий.

— Электронная подпись персональная? — спросила я.

— Формально да. На практике руководители иногда оставляют токены помощникам.

— Вы оставляете?

— Нет.

Ответ пришёл быстро, но не оборонительно.

— Максим?

— Спросите его.

— Я спрашиваю вас как операционного директора.

Антон отодвинул ноутбук.

— Максим контролирует собственный доступ строже, чем большинство людей контролируют банковскую карту. Но у него есть Инна, служба безопасности и системные администраторы. Невозможных доступов не существует. Бывают дорогие.

— Вы знали, что его подпись использовалась с офисного компьютера, пока он находился за границей?

— Знал о двух случаях. Он утверждал, что согласовал платежи сам через удалённое подключение.

Антон увеличил журнал соединений и показал отметку шлюза.

— Почему вход зафиксирован как локальный?

— Корпоративная сеть пропускает удалённые соединения через московский шлюз.

Это объясняло Белград и Стамбул. Не доказывало, что за клавиатурой находился Максим, но снимало очевидное противоречие.

— Одиннадцатое июля, — сказала я. — Где он был?

Антон задержал взгляд на экране.

— В календаре нет поездки.

— Я умею читать календарь.

Он закрыл окно с расписанием и сцепил руки на столе.

— Тогда вы знаете столько же, сколько я.

— Для второго человека в компании это немного.

— Максим любит оставлять себе несколько дверей без стеклянных стен.

Он сказал это легко, однако впервые с начала разговора перестал смотреть на меня.

Я повернула к Антону таблицу с платежами.

— Семь подписей. Три во время поездок. Две заявки созданы одним бухгалтером, четыре проходили через отдел Полины, пять согласованы вашим блоком.

— Хотите спросить, не украли ли мы деньги семейным подрядом?

— Вы Максиму не родственник.

— После пятнадцати лет совместного бизнеса иногда хуже.

Антон улыбнулся, но цифры изучил внимательно. Указал на одну строку.

— Здесь ошибка. «Гранд Свет» относится к техническому блоку, а не к бренду. Полина согласовывала дизайн, не оплату.

— В журнале стоит код её отдела.

— Потому что проект переносили между подразделениями. Покажу историю.

Он нашёл нужную карточку и восстановил движение заявки по датам. Ошибка оказалась в моей таблице: я взяла текущего владельца процесса вместо владельца на момент согласования.

— Значит, четыре платежа через ваш блок, — исправила я.

— По-прежнему достаточно, чтобы подозревать меня.

— Я не распределяю подозрения по количеству строк.

Антон закрыл карточку, но руку с ноутбука не убрал.

— Когда мы открывали «Восток», крыша текла прямо над стойкой. Максим искал деньги на ремонт, а я ночью переставлял ведра и утром выходил встречать гостей. Теперь в интервью это называется его первым отелем.

Он усмехнулся, однако на этот раз улыбка не дошла до глаз.

— Простите. Старая бухгалтерия: иногда хочется восстановить первоначальных владельцев.

В его обиде было слишком много прожитого, чтобы считать её спектаклем. Но личная несправедливость не объясняла платежи и не давала алиби.

— Жаль. У Максима их семь.

Антон произнёс это без злорадства и сразу перешёл к следующему документу. Он не пытался обелить себя, но каждый раз мягко возвращал внимание к владельцу компании.

Мы спустились в финансовый отдел. Там Антон перестал быть обаятельным собеседником и стал человеком, который знал работу компании до последней неудобной детали.

Он помнил, почему у сотрудницы не открывался старый архив, где хранился резервный токен и кто заменял заболевшего бухгалтера в июне. Не раздавал приказы из коридора: сел возле рабочего стола, попросил показать последовательность действий и нашёл ошибку в правах доступа раньше системного администратора.

Сотрудницу звали Нина. Она работала в «Севере» девять лет и хранила бумажные реестры в шкафу, который открывался только после удара коленом по нижней дверце. Антон знал и это. Пока Нина искала июньскую папку, он заметил на её мониторе дважды проведён-

ную заявку и спросил, почему повтор не отменили. Нина объяснила, что первая версия зависла после обновления, а служба поддержки велела создать новую.

— Кто им звонил? — спросила я.

— Я, — ответила Нина. — С общего телефона. Разговоры записываются.

Антон тут же попросил номер обращения, нашёл его в системе и отправил Глебу.

В соседнем кабинете начальник финансового контроля попытался объяснить отсутствие старых приложений переходом на новую программу. Антон не спорил. Попросил открыть инструкцию миграции и указал на пункт, обязывавший сохранять оригиналы. Начальник замолчал, затем признался, что проверку полноты провели выборочно.

Я записала фамилию и дату перехода. Антон велел не трогать архив до копирования. Мы приняли одно и то же решение одновременно, но он произнёс его первым.

Люди обращались к нему свободно. Спорили, уточняли, признавались, что не успели. При появлении Максима сотрудники обычно выпрямлялись. Рядом с Антоном продолжали работать.

Незаменимость — прекрасная репутация и удобное прикрытие. Человек, который понимает всю систему, лучше остальных знает, как заставить её ошибиться.

В отделе закупок нас догнала Полина.

— Валерия Сергеевна, можно вас на минуту?

По тону минута обещала растянуться.

Мы отошли к окну. Полина дождалась, пока Антон войдёт в кабинет руководителя отдела.

— Вы запросили личный календарь Максима и данные его перемещений.

— Служебный календарь и рабочие поездки.

— В запросе есть даты, когда он не работал.

— С его учётной записи в эти даты проводились платежи.

Полина сложила руки на груди.

— Значит, проверяйте доступ, а не пытайтесь выяснить, где он проводил выходные.

— Один из выходных прошёл за границей. Место подключения может иметь значение.

— Не имеет.

— Откуда вы знаете?

Она поняла, что ответила слишком уверенно.

— Потому что Максим не выводит деньги из собственной компании.

— Владельцы делают это чаще посторонних. У них больше возможностей объяснить себе, что они просто перемещают своё.

— Вы плохо его знаете.

— Поэтому и задаю вопросы.

Полина сделала шаг ближе. Она была ниже меня, но умела смотреть так, что разница в росте становилась чужой проблемой.

— Семь лет назад Максим вложил в «Восток» всё, что у него было. Заложил квартиру, занял деньги, полгода спал в кабинете. Когда банк отказался продлевать кредит, он продал долю, которую мог оставить себе. Он может контролировать людей, быть невыносимым и считать, что знает правильное решение за всех. Но воровать у компании не станет.

— Я не утверждала, что станет.

— Вы собрали таблицу, где его имя стоит в каждой строке.

— Потому что его подпись стоит в каждой строке.

Полина отвела взгляд. В кабинете за стеклом Антон что-то объяснял сотрудникам, рисуя схему на листе.

Её защита не была слепой сестринской верой. Полина знала дату, понимала, почему место поездки нельзя называть, и боялась сказать лишнее.

— Одиннадцатого июля вы были с братом? — спросила я.
Её лицо закрылось.
— Это не относится к проверке.
— Относится, если подтверждает или опровергает его возможность лично подписать платёж.
— Спросите Максима.
Полина отвернулась к окну. Её пальцы сильнее сжали рукава жакета.
— Спрошу. Вы можете ответить сейчас.
— Не могу.
Не «не хочу». Именно «не могу».
— Он запрещает?
— Вы слышите только то, что удобно вашей версии.
— Тогда предложите другую.
Полина резко выдохнула и посмотрела мне за плечо.
Максим стоял в конце коридора.
Он не мог слышать наш разговор, но по лицу сестры понял достаточно. Подошёл, поприветствовал сотрудников и остановился рядом.
— Что происходит?
— Валерия Сергеевна проверяет, не семейный ли у нас преступный синдикат, — сказала Полина.
— Пока результаты неоднозначные, — ответила я.
Максим посмотрел на сестру.
— Вернись в свой отдел. Через двадцать минут встреча по «Берегу».
— Я помню расписание.
— Тогда не опаздывай.
Полина ушла, задев плечом край стеклянной двери. Максим дождался, пока она скроется за поворотом.
— Не давите на неё вопросами о моей личной жизни.
— Ваша личная жизнь использовала корпоративную подпись одиннадцатого июля?
— Нет.
— Где вы находились?
Максим перевёл взгляд на закрывшуюся за Полиной дверь.
— За пределами России.
— Где именно?
— Местоположение не связано с платежом.
— Это решаю я и независимый юрист.
Он достал телефон, проверил время и снова убрал его в карман.
— Передайте вопрос юристу. Ему я предоставляю подтверждение конфиденциально.
Он не повышал голос. Мне тоже не требовалось.
— Вы наняли меня искать человека, использовавшего вашу подпись, и отказываетесь предоставить собственное алиби.
— Я подтверждаю, что не находился у офисного компьютера. Остальные обстоятельства не имеют отношения к делу.
— Значит, у вас есть алиби, которое нельзя показать мне.
— Значит, у вашей проверки есть границы.
Между нами прошла сотрудница с папками, замедлив шаг возле копировального аппарата.
— Вчера вы согласились на другие условия.
— Вчера я согласился предоставить рабочие сведения. Не каждую подробность жизни.

Мы стояли посреди открытого отдела. Сотрудники старательно не смотрели в нашу сторону, что требовало от них заметных усилий.

Максим первым отступил на шаг.

— Пойдёмте в мой кабинет.

— Чтобы закрыть ещё один архив?

— Чтобы не превращать ваших будущих свидетелей в зрителей.

В кабинете Максим закрыл дверь, но оставил стекло прозрачным.

— Платежи я согласовал удалённо, — сказал он. — Все семь.

— С офисного компьютера?

— Через защищённый шлюз. Система отображает московский адрес.

Я положила перед ним распечатку журнала.

— Кто имел доступ к вашему токену?

— Только я.

— Тогда либо вы утвердили фиктивные счета, либо человек, которому вы доверяете, получил доступ, а вы это скрываете.

Максим расстегнул пиджак и сел за стол.

— Есть третий вариант. В момент согласования счета не выглядели фиктивными. Приложения заменили после моей подписи.

— Электронная система хранит версии.

— Должна хранить.

Он развернул ко мне экран своего ноутбука с перечнем версий.

— Вы уже знали о замене?

— Подозревал.

— Когда?

— До вашего прихода.

Каждый его честный ответ открывал следующую скрытую дверь.

Если приложения действительно заменили после согласования, подписи Максима подтверждали другие документы. Это снимало с него прямое обвинение в оплате завышенных позиций, но добавляло новый вопрос: кто мог менять файлы так, чтобы система теряла автора. Для этого требовались права администратора или участие в миграции данных.

Он нанял меня не искать неизвестную проблему. Он хотел, чтобы я независимо пришла к версии, которую уже держал при себе.

— Почему не сообщили вчера?

— Хотел увидеть, найдёте ли вы несоответствие независимо.

— Я не прохожу у вас испытательный срок.

— Теперь уже нет.

Он едва заметно улыбнулся. Не вежливо и не устало — по-настоящему. На секунду исчез руководитель, который дозировал сведения, и остался мужчина, довольный тем, что я не позволила ему управлять разговором.

Я поставила на край стола бумажный пакет, который принесла утром.

— Ваш отель просил вернуть это.

Максим заглянул внутрь и достал светлый тренч, в котором я уехала после нашей первой встречи.

— Он не мой.

— Я догадалась по талии.

— Из коллекции Полины для гостиничных бутиков. Она ищет образец второй день.

— Значит, семейный конфликт я уже обеспечила.

Он развернул тренч и заметил внутреннюю петлю для пояса. В гостинице она держалась на нескольких нитках. Утром, прежде чем сложить вещь, я пришила её заново.

— Вы починили.

— Я возвращаю чужие вещи не в худшем состоянии, чем получила.

— Даже если их выдали вам по чужой ошибке?

— Особенно тогда. Ошибка уже испортила достаточно.

Максим провёл пальцем по аккуратному шву. Улыбка вернулась, тише прежней.

— Спасибо, Валерия.

Впервые он произнёс моё имя без отчества и без того, чтобы застать меня в своём номере. Всего одно слово. Оно коснулось ближе, чем имело право.

Я забрала папку со стола.

— Благодарность не заменяет сведения об одиннадцатом июля.

— Я не рассчитывал.

— Хорошо. В пять жду письменное объяснение по каждому платежу и подтверждение удалённого входа.

— Получите.

Максим сложил тренч и убрал обратно в пакет, задержав ладонь на ручке.

— Местоположение?

— Через юриста.

Я вышла из кабинета раньше, чем это стало новой проблемой.

Временный кабинет встретил тремя пропущенными звонками от Сони.

Я набрала её сразу.

— Говори.

— У меня две новости. Одна скучная, другая тебе не понравится.

— Начиная со скучной.

— Директор «Легат Проект» действительно номинальная. Пенсия, дача, никаких следов гостиничного бизнеса. Говорит, что оформила фирму по просьбе племянника, но племянника с таким именем я пока не нашла.

На почту пришли собранные Соней выписки. В них значились два старых адреса директора, сведения о закрытом индивидуальном предпринимательстве и телефон, зарегистрированный за неделю до создания фирмы.

Я включила громкую связь и открыла заметки.

— Вторая?

— Первичные регистрационные документы подавал не директор. Там доверенность на представителя.

Соня замолчала. Она знала, что мне потребуется секунда.

— Имя.

— Виктор Рудин.

Я перестала писать.

Семь лет назад Рудин был бухгалтером проекта «Вектора». Он готовил платежи «Контуру», уверял, что оригиналы актов потеряны при переезде, и исчез за два дня до моего повторного интервью.

— Ты уверена?

— Дата рождения совпадает. Паспорт менял, но старые данные есть в доверенности. Это он, Лера.

За стеклянной стеной кабинета люди продолжали обычный день. Кто-то смеялся у принтера, кто-то нёс коробки с документами, Антон разговаривал с руководителем закупок.

Но человек из моего старого дела уже побывал здесь раньше меня. И помог создать компанию, которой «Север» перечислил миллионы.

Глава 5. Публичная ошибка

Финансовый директор «Севера» выглядел человеком, который гладит носки.

Не костюм, рубашки или постельное бельё — это я ещё могла понять. Именно носки. И раскладывает их в ящике по оттенкам, чтобы графитовые случайно не оказались рядом с антрацитовыми.

Олег Карпов сидел справа от Максима и выравнивал лежащие перед ним листы по краю стола. Тонкие очки, серебристый галстук, безупречные манжеты. На моё появление онотреагировал коротким кивком и сразу посмотрел на часы.

До начала заседания оставалось четыре минуты.

— Валерия Сергеевна, — сказал он, — предполагается краткий статус. Совет не является рабочей группой расследования.

— Я читала повестку.

— Тогда уложимся в десять минут.

— Если никто не будет скрывать документы, управимся быстрее.

Карпов поправил верхний лист. Резкость прошла мимо его лица, но пальцы задержались на бумаге.

Максим стоял возле окна и разговаривал по телефону. Услышав последнюю фразу, повернулся к нам. Вчера он получил мой письменный запрос по платежам и предоставил подтверждения удалённых входов. Место поездки одиннадцатого июля независимый юрист признал не связанным с проверкой. Я получила подтверждение, что Максим находился за пределами России, но не страну, город и цель поездки.

Полина знала больше. Антон, вероятно, тоже.

Накануне Соня предлагала дождаться восстановления всех файлов. Для обычной проверки это было бы разумно. Для этой компании — удобно. Пока мы ждали бы идеального комплекта, совет успел бы одобрить дополнительное финансирование «Берега», а ещё шестьдесят с лишним миллионов превратились бы из спорной суммы в оплаченные счета.

Поэтому на первом слайде не было обвинений. Только четыре версии документов, даты изменений и суммы. Я собиралась задать вопрос и посмотреть, кто первым попытается ответить на тот, который ещё не прозвучал.

Карпов, судя по подготовленной папке, тоже пришёл не импровизировать.

В переговорную вошли трое членов аудиторского комитета. Елена Аркадьевна Громова, председатель, около шестидесяти, седые волосы коротко подстрижены, на столе только бумажный блокнот. Павел Сазонов представлял инвестиционный фонд и печатал сообщения, не снимая пальцев с телефона. Третья, Ирина Мещерская, раньше управляла сетью ресторанов и читала мои предварительные выводы ещё в дверях.

Антон сел напротив Карпова. Полина заняла место рядом с братом. Глеб остался у стены.

Максим отключил телефон и занял место во главе стола.

— Начинаем. Валерия Сергеевна, ваш статус.

Карпов посмотрел на часы ещё раз. Я включила экран.

— За первые три дня получен доступ к реестру подрядчиков, журналам согласования платежей и части договоров по ремонту трёх объектов. Подтверждены четыре случая изменения приложений после электронной подписи руководителей. Автор изменений в журнале не отображается из-за переноса данных между системами.

— «Подтверждены» кем? — спросил Карпов.

— Мной, операционным директором и сотрудниками вашего отдела.

Антон спокойно кивнул. Карпов перелистнул бумаги.

— Изменение технической версии файла не означает изменение финансовых условий.

— Поэтому я сравнила суммы и состав поставок. В трёх приложениях появились новые позиции, в четвёртом увеличилось количество оборудования.

— На какую сумму?

— На двадцать шесть миллионов семьсот тысяч.

Павел Сазонов оторвался от телефона.

— В рамках одного объекта?

— Двух. По третьему нет исходной версии приложения.

— Почему нет? — спросила Громова.

Я повернулась к Карпову.

— Это один из вопросов финансовому директору.

Он снял очки и протёр линзу салфеткой. Движение не выглядело нервным. Вероятно, Карпов протирал очки и в горящем здании, если пепел мешал рассмотреть отчёт.

— Исходные приложения хранились в прежней системе, — ответил он. — При миграции часть файлов перенесена в архивный формат. Специалисты восстанавливают доступ.

— Инструкция обязывала сохранить оригиналы отдельно.

— Инструкция описывала стандартный переход. У нас проходила ускоренная миграция из-за требований инвестора.

Сазонов нахмурился.

— Наши требования не предполагали потерю документов.

— Я не говорил о потере. Файлы существуют, их нужно преобразовать.

— Сколько времени занимает преобразование? — спросила Мещерская.

— Технический отдел обещал закончить к пятнице.

— А дополнительное финансирование мы должны одобрить сегодня, — заметила она. — Удобная последовательность.

Карпов повернулся к ней всем корпусом.

— Задержка финансирования создаст для компании прямые убытки. Восстановление старых файлов не влияет на текущую потребность проекта.

— Если старые файлы подтверждают новую стоимость, не влияет, — сказала я. — Если показывают, что одни и те же работы включили в смету дважды, влияет.

— Вы нашли дублирование?

— Я нашла основание его проверить.

Он кивнул с видом преподавателя, получившего от студента ожидаемо неточный ответ.

Карпов отвечал ровно, но больше не смотрел на часы. Я вывела на экран хронологию бюджета загородного отеля «Берег».

— Первоначальная стоимость оснащения нового корпуса — четыреста двенадцать миллионов. В июле бюджет увеличен до четырёхсот шестидесяти восьми. Фактические обязательства на сегодня — пятьсот тридцать один миллион.

— Вы смешиваете бюджет и обязательства будущих периодов, — сказал Карпов.

— Я разделила их на следующей строке. После исключения будущих периодов превышение составляет шестьдесят два миллиона.

— Без учёта резерва.

Сазонов сам произнёс слово, которого не было в предоставленных мне материалах.

— Какого резерва?

Карпов посмотрел на Максима. Всего на секунду, но вопрос уже изменил владельца.

— Комитет по инвестициям одобрил резерв на срочную замену поставщиков, — сказал финансовый директор. — Протокол номер семнадцать-бэ от двадцать девятого июля. С учётом резерва превышение составляет восемь миллионов, а не шестьдесят два.

Он вынул из папки документ и передал Громовой. Вторая копия легла перед Максимом. Третью Карпов подвинул мне.

Протокол выглядел подлинным. Номер, дата, подписи. Приложение на шести страницах. Резерв пятьдесят четыре миллиона. Документ полностью менял оценку расходов по «Берегу». Я видела его впервые.

— Когда протокол загружен в папку проверки? — спросила я.

— Он находится в разделе инвестиционного комитета с даты подписания.

— Мне предоставлен доступ к разделу?

— Вы запросили финансовые документы по ремонту и оснащению. Решения инвестиционного комитета относятся к другому уровню.

— В моём запросе отдельно указаны изменения бюджетов и основания для них.

Карпов надел очки.

— Тогда следовало уточнить, что вы хотите видеть решения всех коллегиальных органов. Мы не можем угадывать необходимый вам объём.

Он не повышал голос и не обвинял меня прямо. Просто положил на стол документ, который превращал мои расчёты в ошибку, а недостаток доступа — в мою неспособность сформулировать запрос.

В прежней жизни я бы начала объяснять. Перечислила бы письма, даты и формулировки, пока люди за столом наблюдали бы, как консультант защищает себя вместо выводов.

Семь лет назад именно так и произошло.

На этот раз я закрыла презентацию.

— Хорошо. Мой расчёт не учитывает протокол семнадцать-бэ, потому что финансовый отдел его не предоставил. До проверки документа вывод о превышении по «Берегу» отзываю.

Карпов едва заметно расслабил плечи.

— Разумное решение.

— Теперь о самом протоколе.

Я перелистнула страницы. Резерв одобрили на замену поставщиков после срыва сроков. Однако «Легат Проект» получил первый платёж за пять дней до заседания комитета.

— Обязательства начали принимать до утверждения резерва, — сказала я. — Кто разрешил?

В комнате стало тише.

Антон наклонился к своей копии. Полина посмотрела на Максима. Карпов сохранил неподвижность, но его указательный палец лёг на дату внизу страницы.

— Было предварительное согласование, — ответил он.

— Письменное?

— Решение принималось в рабочем порядке.

— Кем?

— Максимом Андреевичем и Антоном Сергеевичем.

Антон поднял голову.

— Я согласовал переговоры с заменяющим поставщиком. Не платёж до решения комитета.

— В служебной записке указано «начать исполнение без задержки», — сказал Карпов.

— Начать согласование договора.

— Формулировка допускает иное толкование.

— Особенно после того, как вы его выбрали.

Максим положил ладонь на стол.

— Достаточно. Олег, почему протокол не вошёл в материалы независимой проверки?

— Запрос был ограничен операционными договорами.

— В запросе есть основания изменения бюджетов. Я его читал.

Карпов впервые потерял идеальный ритм. Посмотрел на меня, потом на Громова.

— Сотрудники могли интерпретировать формулировку уже. Я разберусь.

— Вы руководите финансовым отделом. Это ваша ответственность.

— Я не могу лично проверять каждую выгрузку.

— Но можете лично принести документ на заседание, чтобы показать ошибку консультанта.

Максим говорил спокойно. От этого каждое слово звучало жёстче. Карпов побледнел, хотя выражение лица осталось собранным.

Громова постучала ручкой по блокноту.

— Коллеги, мы обсуждаем не качество внутренней коммуникации. Можно ли сегодня подтвердить размер отклонения по проекту?

— Нет, — ответила я. — Мне нужно проверить подлинность протокола, полномочия участников, момент принятия обязательств и версии приложений. Предварительно резерв снижает превышение, но создаёт вопрос о платежах до его утверждения.

— Сколько времени?

— Два рабочих дня, если финансовый отдел предоставит полный пакет сегодня.

Сазонов повернул телефон экраном вниз. Впервые за заседание всё его внимание принадлежало разговору.

— А если выяснится, что резерв оформлен корректно?

— Тогда превышение по этой части составит восемь миллионов, и я зафиксирую свою первоначальную оценку как ошибочную.

Карпов посмотрел на меня внимательнее. Он ожидал, что я буду защищать цифру из упрямства.

— А если некорректно? — продолжил Сазонов.

— Тогда комитету придётся решить, почему документ на пятьдесят четыре миллиона появился только в тот момент, когда понадобилось объяснить уже принятые обязательства.

Громова записала эту фразу дословно. Карпов проследил за её ручкой и начал отвечать, но Максим перебил:

— Предоставит. Решение о дополнительном финансировании «Берега» переносим до заключения Валерии Сергеевны.

Сазонов отложил телефон.

— Перенос задержит открытие корпуса.

— Меньше, чем очередной платёж без подтверждённого основания.

Максим не посмотрел на меня. Не потребовал благодарности и не превратил поддержку в личный жест. Он просто принял решение против собственного финансового директора и отсрочил проект, от которого зависела инвестиционная сделка.

Это было правильно — и очень неудобно для моей версии человека, который нанял меня ради готовой подписи.

Оставшуюся часть заседания мы обсуждали порядок доступа. Карпов больше не спорил, только записывал поручения. Антон предложил собрать рабочую группу из финансового контроля и закупок. Громова установила срок и попросила меня присылать аудиторскому комитету список неполученных документов каждый вечер.

Когда заседание закончилось, Карпов начал складывать бумаги. Один лист соскользнул на пол. Антон поднял его раньше помощницы.

— Олег, пойдём выпьем кофе, — сказал он тихо. — Потом вместе разберём запросы. Не нужно сейчас отвечать на всё одному.

Карпов посмотрел на него с благодарностью, которой не позволил появиться при Максиме.

— У меня встреча через двадцать минут.

— Успеем. Я попрошу перенести.

Они вышли вместе. Антон придержал перед Карповым дверь и заговорил о технических деталях, не возвращаясь к публичному унижению.

Для компании нужны оба типа руководителей. Для схемы хищений тоже.

Я закрыла ноутбук. Остальные члены комитета разошлись. Полина задержалась возле брата, но Максим коротко сказал, что поговорит с ней позже. Она посмотрела на меня без прежней враждебности и вышла.

— В мой кабинет, — сказал Максим.

— Это приглашение?

— Нет.

— Тогда сформулируйте в письменном виде.

Он взял со стола мою папку и направился к двери.

— В ней документы проверки.

— Поэтому вы пойдёте следом.

Я догнала его в коридоре.

— Вы только что поддержали моё право на независимость и сразу решили проверить, насколько оно декоративное?

— Я решил избавить совет директоров от продолжения нашего разговора.

— Совет уже ушёл.

— Стекланные стены остались.

Он был зол. Не холоден, не сдержанно недоволен — по-настоящему зол, хотя голос почти не изменился. Выдавала скорость: Максим шёл быстрее обычного, не отвечал на приветствия и один раз прошёл мимо чуть сдвинутого кресла, не поправив его.

В кабинете он положил папку на стол и закрыл дверь. Стекло осталось прозрачным.

— Вы будете заранее предупреждать меня о вопросах, которые способны остановить финансирование проекта.

— Нет.

— Это не просьба.

— Тогда тем более нет.

Максим снял пиджак, бросил на кресло и расстегнул манжеты. Движения были точными, но в них исчезла привычная экономность.

— Вы пришли на статус с непроверенным расчётом.

— Я пришла с расчётом по предоставленным данным. Неполными их сделал ваш финансовый отдел.

— И вы позволили Карпову выставить вас некомпетентной перед комитетом.

— Вас беспокоит моя репутация или задержка финансирования?

— Меня беспокоит, что вы атакуете без подготовки.

— Я задала вопрос о смете. Если в вашей компании это считается атакой, расходы — не главная проблема.

Он обошёл стол. Теперь между нами не было мебели, только чуть больше метра и злость, которая слишком быстро меняла температуру.

— Вы знали о протоколе? — спросила я.

— Да.

— Почему не предоставили?

— Потому что считал, что он входит в выгрузку.

— Не проверили.

— Не проверил.

Он признал ошибку без попытки размазать её по отделам. Это должно было снизить напряжение. Вместо этого мне захотелось подойти ближе и выяснить, насколько далеко простирается его способность выдерживать прямой взгляд.

— Расследование не является спектаклем, Максим Андреевич. Я не буду присылать вам вопросы, чтобы вы раздали роли и подготовили декорации.

— Мне не нужны ваши вопросы. Мне нужно знать, когда вы собираетесь вынести рабочую версию на уровень совета.

— Чтобы успеть остановить?

— Чтобы убедиться, что вы получили все данные.

— Как с «Контуром»?

Его лицо изменилось едва заметно. Злость стала тише.

— Не смешивайте темы.

— Они уже смешаны. Вы скрываете старую связь и одновременно требуете доверять вам проверку полноты данных.

— Я ничего не скрываю.

— Тогда произнесите: «Я не знал о протоколе в папке Карпова».

Максим шагнул ближе.

— Я знал о протоколе. Не знал, что вам его не предоставили.

— Теперь произнесите то же самое про «Контур».

Он остановился.

Расстояния почти не осталось. Я видела тонкую тёмную кайму вокруг серой радужки и едва заметную складку между его бровей. Чувствовала древесный запах, который уже знала слишком хорошо. Максим не касался меня, но тело отреагировало так, словно прикосновение произошло.

Я не отступила. Он тоже.

— Вы всегда подходите так близко к людям, которых собираетесь обвинить? — спросил Максим.

— Только к тем, кто плохо слышит на расстоянии.

Его взгляд опустился к моим губам и сразу вернулся к глазам. Короткое движение, которое можно было бы списать на случайность, если бы я не занималась именно тем, что замечала удобные объяснения.

За стеклянной стеной появилась Инна с планшетом. Увидела нас, замедлила шаг и очень профессионально повернула обратно.

Максим первым увеличил расстояние.

— Следующее заседание через два дня, — сказал он. — Список вопросов можете не присылать. Список документов — до конца сегодняшнего дня.

— Он и так предусмотрен договором.

— Значит, мы наконец о чём-то договорились.

Он взял пиджак с кресла и надел.

— Папку оставьте мне, — сказала я.

Максим протянул её. Наши пальцы встретились на картоне. Он не отпустил сразу.

— Не позволяйте Карпову повторить это, Валерия.

— Не решайте за меня, что мне позволять.

Я потянула папку. Он разжал пальцы.

— Именно поэтому и говорю вам, а не ему.

Я вышла, не ответив.

До конца дня финансовый отдел загрузил протокол, переписку и исходные версии смет. Карпов отвечал на запросы точно, без прежних замечаний. Антон дважды заходил проверить, получила ли рабочая группа всё необходимое, и принёс исправленный реестр версий.

Максим не появлялся.

В половине девятого я закрыла ноутбук. Офис почти опустел. За окнами шёл мелкий дождь, превращая отражения ламп в длинные золотые полосы. Я собиралась вызвать такси, когда на рабочую почту пришло письмо.

Отправитель состоял из случайного набора букв. Тема: «Вы снова смотрите не туда».

Внутри одна строка:

«В прошлый раз вы тоже поверили документам, которые вам разрешили увидеть».

И вложение «report_final.pdf».

Я не стала его открывать. Переслала Соне заголовки письма и позвонила.

— Мне прислали файл.

— Не трогай.

— Уже не трогаю.

— Перешли письмо в наш изолированный ящик. Полностью, не кнопкой «переслать».

Инструкцию помнишь?

— Да.

Я сохранила письмо в исходном формате, не меняя имени, и отправила в защищённый ящик. Потом отключила рабочий ноутбук от сети. Соня молчала дольше обычного; в трубке стучали клавиши.

— Письмо пришло через одноразовый зарубежный сервис, — сказала она наконец.

— Адрес бесполезный. Но отправитель знает твой корпоративный ящик, который появился четыре дня назад.

— Его знают все сотрудники «Севера».

— И подрядчики, которым уже пересылали запросы. Круг небольшой, но не уютный. Я проверю маршрутизацию. Пока ничего не открывай и не пересылай Максиму.

— Почему не Максиму?

— Потому что мы ещё не знаем, предупреждение это, попытка тебя напугать или способ заставить обвинить нужного человека. Сначала посмотрим, чем тебя кормят.

Соня была права. Семь лет назад мне хватило одного украденного файла, чтобы перестать различать источник информации и цель того, кто её передал.

Понадобилось двенадцать минут. Соня проверила вложение в отдельной среде и написала, что активного содержимого нет. После этого прислала мне безопасную копию.

Я открыла первую страницу.

Логотип «Альянс Консалт». Название строительного холдинга «Вектор». Дата семилетней давности. Это был мой отчёт.

Не финальная версия, которая позднее вошла в официальные материалы. Черновик, украденный с внутреннего сервера и переданный журналистам. С моими формулировками, рабочими комментариями и таблицей платежей «Контур».

На полях пятой страницы синими чернилами стоял вопросительный знак. Я поставила его сама во время совещания с Денисом, на единственном бумажном экземпляре. Потом отдала отчёт ему в руки.

Этой отметки не было ни в электронной версии, ни в опубликованных фрагментах.

Кто-то отсканировал оригинал.

Внизу последней страницы появилась новая строка, которой семь лет назад не было:

«Спросите Северина, почему он знает этот документ лучше вас».

Глава 6. Четыре часа рядом

В половине седьмого у подъезда должна была ждать машина «Севера». В половине седьмого там стояли мусоровоз, две легковые машины соседей и рыжий кот, который пил из лужи возле бордюра.

Я не спала почти всю ночь. Соня до двух изучала письмо, но не нашла ничего, кроме цепочки промежуточных серверов и подтверждения, что отправитель хорошо подготовился.

Оригинал с синим вопросительным знаком существовал в одном экземпляре.

Я отдала его Денису. Потом документ исчез из запертого шкафа, а электронный черновик попал журналистам. Через несколько недель меня официально признали допустившей методические ошибки, хотя главные выводы отчёта никто так и не опроверг. Ещё через пять месяцев появились анонимные материалы, подтвердившие часть схемы, и формулировку смягчили до «недостатков внутренней процедуры».

Формально я была оправдана. Неофициально при моём имени по-прежнему вспоминали скандал.

А Максим Северин, согласно ночному посланию, знал мой отчёт лучше меня.

Водитель позвонил через семь минут.

— Валерия Сергеевна, я у бизнес-центра. Охрана говорит, что вы ещё не приехали.

— Потому что я дома.

Возникла пауза, наполненная шелестом бумаг.

— В заявке указан адрес офиса.

— А в письме, которое я получила вчера, — домашний.

Водитель извинился и пообещал быть через сорок минут. До «Берега» предстояло ехать почти четыре часа, а в одиннадцать управляющая собирала руководителей служб. Если мы опоздаем, люди успеют подготовить правильные ответы и убрать неправильные документы.

Я набрала номер Инны.

— Водителю передали адрес офиса, — сообщила я.

— Не может быть. Я сама внесла домашний.

— Значит, адрес дошёл до машины сложным маршрутом и устал.

Инна попросила минуту. Перезвонила через три и сказала, что Максим уже едет мимо моего района. Он заберёт меня сам.

— У него нет водителя?

— Сегодня он собирался вести машину. Максим Андреевич не любит быть пассажиром.

Чёрный внедорожник остановился у подъезда в шесть пятьдесят две. Максим вышел раньше, чем я успела спуститься с крыльца, открыл багажник и забрал у меня дорожную сумку.

На нём были тёмные брюки, тонкий свитер и короткое серое пальто. Без пиджака и галстука он выглядел не моложе, а доступнее для человеческого восприятия. Это было некстати.

— Доброе утро, — сказал он.

— Оно пока не представило доказательств своей доброты.

— Дайте ему два рабочих дня.

Я посмотрела на Максима. Он закрыл багажник с невозмутимым лицом, но в глазах появилось короткое веселье.

— Вы репетировали эту шутку по дороге?

— Нет. По дороге я выяснял, почему мой водитель приехал не туда.

— И выяснили?

— Заявку изменили в диспетчерской. Установим кто и зачем.

Он открыл передо мной пассажирскую дверь.

В салоне пахло кожей, холодным воздухом и слабой древесной нотой его парфюма. На заднем сиденье лежала папка, рядом — бумажный пакет с двумя бутылками воды и сэндвичами.

Мы выехали из двора. Город ещё не проснулся окончательно. В окнах редкими прямоугольниками горел свет, у метро собиралась первая очередь, курьер на велосипеде объезжал лужи, подняв плечи от холода. На набережной туман спрятал противоположный берег.

Максим не включал музыку. Навигатор сообщал повороты женским голосом, уверенным в том, что любая ошибка исправляется новым маршрутом.

— Мне вчера прислали письмо, — сказала я.

Его руки остались спокойно лежать на руле.

— Какое?

— С копией моего отчёта по «Вектору».

Машина перестроилась в левый ряд. Максим посмотрел в зеркало, пропустил такси и только потом спросил:

— Опубликованной версией?

— Рабочей. С рукописной отметкой на бумажном оригинале.

Он чуть сильнее сжал руль. Если бы я не наблюдала за ним, не заметила бы.

— Вы открыли вложение?

— После проверки в изолированной среде.

— Хорошо.

— Я рада, что прошла ваш экзамен по цифровой гигиене.

Максим коротко посмотрел на меня и снова перевёл взгляд на дорогу.

— Это не экзамен. Я представил, что могло произойти, если бы вы открыли файл на рабочем ноутбуке.

В его голосе не было снисходительности. Только злость, направленная не на меня.

Я достала телефон и открыла первую страницу безопасной копии.

— Вы видели этот документ?

Максим бросил взгляд на экран.

— За рулём — нет.

— Тогда остановитесь.

— Через восемь километров будет площадка.

Он не спросил, зачем ему смотреть. Не сказал, что старый отчёт не относится к поездке. Оставшиеся восемь километров прошли в молчании.

За кольцевой дорогой город быстро потерял высоту. Торговые центры сменились складами, склады — посёлками с мокрыми заборами. Дальше начались поля. Низкие облака лежали над ними почти вплотную, и чёрные полосы вспаханной земли уходили под серый край неба. На обочинах стояли берёзы, уже наполовину голые.

Максим свернул на площадку возле закрытого летнего кафе. Ветер катал по пустой парковке пластиковый стакан. Мы остались в машине; дождь снова начал постукивать по крыше.

Я передала ему телефон.

Максим увеличил изображение и задержал взгляд на заголовке.

— Это внутренний формат «Альянс Консалт», — сказал он. — До смены шаблона в конце того года.

Слишком быстро.

— Откуда вы знаете, когда они сменили шаблон?

Он пролистнул вторую страницу. Не торопясь, вернул телефон мне.

— Я изучал материалы дела.

— До того, как пригласили меня?

— Да.

— Насколько подробно?

Капли на лобовом стекле соединялись, тяжелели и сползали вниз. Максим смотрел вперёд, хотя видеть там было нечего.

— Достаточно, чтобы оценить вашу работу.

— В открытом доступе нет внутренних шаблонов.

— В публикациях сохранились фрагменты страниц.

— Без верхнего поля. Журналисты обрезали логотип фирмы.

Он повернулся ко мне.

— Вы уверены?

— Это мой скандал. Я знаю его оформление.

Молчание продлилось несколько секунд. Максим завёл двигатель, но с места не тронулся.

— Семь лет назад документы по делу передавались нескольким сторонам, — сказал он.

— Следствию, внешним консультантам, юристам участников. Я мог видеть полную страницу в одном из поздних материалов.

— Могли?

— Не помню источник.

— Для человека, который поправляет сдвинутое кресло в чужой переговорной, у вас избирательная память.

— Она хорошая, но не безграничная.

Он включил поворотник и вернулся на трассу. Я не стала давить.

Через несколько минут Максим заговорил первым.

— После дополнительной проверки комиссия признала, что ваши выводы имели фактическое основание.

— Вы читали итоговое решение.

— И стенограмму заседания.

Я отвернулась к окну. По краю поля тянулись высокие опоры линии электропередачи. Провода провисали между ними, исчезая в тумане.

— Стенограмму почти никто не читал, — сказала я.

— Она занимала сто восемьдесят шесть страниц. Понимаю почему.

— Сто восемьдесят четыре.

— Приложения считались отдельно.

Я снова посмотрела на него.

— Вы действительно её читали.

— Я уже это сказал.

— Вы сказали, что изучали кандидатов. Остальных вы тоже изучали до номера страницы?

На этот раз он не ответил сразу. Впереди грузовик поднял облако воды, дворники прошли по стеклу дважды.

— Остальные не были связаны с теми же компаниями.

Это прозвучало честнее прежних объяснений и потому насторожило сильнее.

— На заседании я просила восстановить Игоря Лапина, — сказала я. — Его уволили после моей первой проверки. Об этом в итоговом решении две строки.

— Его восстановили.

— Через три месяца. Без компенсации.

— Потом он выиграл трудовой спор.

Я медленно закрыла телефон.

Игорь Лапин был младшим аналитиком. Он выгрузил для меня исходные данные, а когда начался скандал, руководство объявило, что доступ к ним был получен с нарушением процедуры. Я могла сохранить должность, если бы подтвердила эту версию. Вместо этого сказала комиссии, что сама дала ему поручение.

В статьях имя Игоря не упоминали. В стенограмме — упоминали.

— Вы проверяли, что с ним стало?

— Да.

— Зачем?

— Хотел понять, что вы делаете, когда признание ошибки обходится дороже, чем её отрицание.

За окном мелькнуло небольшое озеро. На тёмной воде лежали островки тумана, среди камышей неподвижно стояла цапля.

Ответ Максима был рациональным. Найти человека, способного противостоять совету директоров, трудно; проверить его прошлое разумно. Но тогда он не просто изучил мою профессиональную репутацию. Он разыскал судьбу человека, которого я защитила семь лет назад.

Возможно, Максим всегда работал с такой глубиной. Возможно, я была для него не только кандидатом ещё до первой встречи.

Вторая версия мне не нравилась особенно — потому что какая-то её часть нравилась слишком сильно.

— Что было в письме, кроме отчёта? — спросил он.

Я открыла сообщение и прочитала первую строку. Вторую пока оставила при себе.

— «В прошлый раз вы тоже поверили документам, которые вам разрешили увидеть».

— И всё?

— Разве недостаточно?

Максим взглянул на меня, но не повторил вопрос. Он понял, что я не договорила. Я поняла, что он понял.

К девяти дождь прекратился. Дорога поднялась выше, лес подступил к обочине. Ели сохраняли густой тёмный цвет, а лиственные деревья горели между ними жёлтым и медным. В низинах клубился туман; солнце иногда пробивало облака и на несколько секунд зажигало мокрые ветви.

Я редко выезжала из города осенью. В последние годы времена года замечались по обуви людей в метро и температуре батарей. Здесь осень существовала без календаря: пахла мокрой корой, лежала на дороге раздавленными листьями, блестела на тонких паутинках между кустами.

На длинном прямом участке Максим включил негромкую музыку без слов. Не спросил, нравится ли мне. Я не попросила выключить.

Мы миновали несколько деревень. У одного дома женщина в красной куртке развешивала на верёвке белые простыни, хотя небо снова темнело. Возле автобусной остановки мальчик пинал мокрый мяч, а большая собака терпеливо возвращала его с обочины.

— Вы можете поспать, — сказал Максим.

— Я не сплю в машине с подозреваемыми.

— Полезное правило. Часто приходится применять?

— Впервые. Но уже оправдывает существование.

Я потянулась к бумажному пакету на заднем сиденье.

— Тогда хотя бы съешьте сэндвич. Я не хочу, чтобы в отчёте появилась формулировка «заказчик уморил проверяющую голодом».

Я достала два сэндвича и прочитала наклейки.

— Один с индейкой. Второй с сыром и овощами.

— Инна сказала, что вы не едите мясо.

— Инна собирает на меня досье?

— Инна предотвращает голодные конфликты в замкнутом пространстве.

Я отдала ему сэндвич с индейкой. Он положил его рядом, не развернув.

— Вы сами предложили поесть.

— Я умею давать хорошие советы.

— Жаль, что только другим.

Он усмехнулся.

На заправку мы свернули через двадцать минут. Небольшое здание стояло у перекрёстка, за ним начиналась дорога к районному центру. Воздух был холодным и чистым, пах бензином, сырой хвоей и выпечкой из кафе.

Пока Максим заправлялся, я пошла за чаем. У входа пожилой мужчина в синей рабочей куртке разговаривал по телефону. Говорил тихо, но раздражённо: объяснял кому-то, что не может одновременно выйти на смену и забрать Галину Михайловну из больницы.

Увидев Максима, он оборвал разговор.

— Максим Андреевич? Не ожидал вас здесь.

— Павел Семёнович, доброе утро. Что с Галиной Михайловной?

Мужчина растерялся не из-за вопроса, а из-за того, что Максим помнил имя.

— Да ничего страшного. Руку сломала, вчера прооперировали. Сегодня выписывают. Дочь из города не успевает, а у нас двое на больничном. Я к обеду должен быть в котельной.

Максим достал телефон.

— Сегодня вы не должны быть в котельной.

— Там запуск после ремонта. Без меня ребята...

— Справятся. А если не справятся, значит, вы плохо их учили.

Павел Семёнович улыбнулся против воли. Максим уже набирал номер.

— Андрей, доброе утро. Павла сегодня и завтра не ждите. Поставьте Ломакина старшим на запуске. И пришлите машину к районной больнице к одиннадцати... Да, для Галины Михайловны. Потом отвезите их домой.

Он выслушал ответ, поблагодарил и убрал телефон.

— Максим Андреевич, я могу после обеда приехать.

— Не можете. У вашей жены одна рабочая рука, и вряд ли она собирается использовать её, чтобы подписать вам разрешение на смену.

— Она может.

— Именно поэтому не спрашивайте.

Максим назвал Павлу Семёновичу имя водителя и время. Не предложил денег, не повысил голос и не сделал из помощи награду за службу.

В кафе пожилой сотрудник догнал нас у стойки и всё-таки настоял, чтобы мы взяли пироги с капустой. Максим спорить не стал. Павел Семёнович ушёл с двумя стаканами кофе и лицом человека, у которого тяжесть ещё осталась, но её уже можно было нести.

Я выбрала столик у окна. За стеклом ветер шевелил верхушки сосен, с навеса падали редкие капли. Дальше, у края парковки, начиналась узкая тропа в лес.

Максим поставил передо мной чай.

— Вы знаете семьи всех сотрудников?

— Нет. Павел работает в первом отеле с открытия.

— Поэтому заслужил два выходных?

— Поэтому я знаю, что он не попросит их сам.

Он разломил пирог и наконец начал есть. Я смотрела на его руки, на тонкий светлый шрам возле большого пальца, на крошки, которые он машинально собрал салфеткой. В моём представлении заботливые люди должны были выглядеть мягче. Максим оставался резким, закрытым и опасно уверенным в своём праве принимать решения. Просто иногда его контроль создавал для другого человека пространство, а не отнимал его.

— Вы всё время меня оцениваете, — произнёс он.

— Это моя работа.

— Сейчас вы смотрите не как аудитор.

— А вы разбираетесь во взглядах аудиторов?

— Последние несколько месяцев — да.

Я подняла чашку. Чай оказался слишком горячим, и пауза получилась естественной.

— Вы несколько месяцев готовились именно ко мне?

Максим посмотрел в окно.

— К расследованию.

— Конечно.

Он не исправил ответ.

Оставшийся путь проходил по узкой дороге между лесом и водой. Иногда справа открывался широкий залив, стальной под облаками. У берега темнели камни, над водой летели чайки. Потом трасса снова ныряла между деревьями.

После остановки молчание изменилось. Оно больше не напоминало паузу в допросе. Максим следил за дорогой, я просматривала сметы, иногда мы обменивались короткими замечаниями. Он указал на старую водонапорную башню, перестроенную в маленькую гостиницу. Я рассказала о проверке санатория, где директор десять лет списывал деньги на ремонт несуществующего четвёртого этажа. Максим рассмеялся, и я на секунду забыла, что его смех должен меня настораживать.

Телефон съехал с моих колен, когда машина вошла в поворот. Я потянулась за ним одновременно с Максимом: он одной рукой продолжал держать руль, второй успел остановить аппарат у края консоли.

Мои пальцы легли поверх его руки.

Прикосновение длилось меньше секунды. Тёплая кожа, жёсткая костяшка под ладонью, движение большого пальца — случайное или нет. Я забрала телефон и села ровнее.

Максим вернул руку на руль.

Музыка продолжалась. За окном вспыхивали жёлтые деревья, дорога уходила вперёд, и ничего не произошло.

Именно поэтому следующие несколько минут я замечала всё: расстояние между нашими плечами, тихий звук его дыхания, тепло от обогрева, собственные пальцы на холодном корпусе телефона.

— У вас очень громкое молчание, — сказал он.

— Сосредоточьтесь на дороге.

— Стараюсь.

В ответе было достаточно второго смысла, чтобы я открыла первую попавшуюся таблицу и следующие десять минут изучала стоимость гостиничных штор с вниманием, которого они не заслуживали.

К «Берегу» мы подъехали после полудня. Лес расступился, и впереди появилась вода — огромная, тёмно-синяя, покрытая серебряной рябью. Отель стоял на высоком берегу несколькими светлыми корпусами с деревянными террасами. Дальше по склону спускались коттеджи, почти скрытые среди сосен. Мокрые крыши блестели на солнце; над одним из корпусов поднимался тонкий дым.

Место было красивым без усилий. Не той гостиничной красотой, которую собирают из мрамора, дорогих светильников и одинаковых ваз, а настоящей: ветер с воды, запах хвои, неровные камни у дорожек, трава, уже побелевшая на концах от первого холода.

Я вышла из машины и несколько секунд просто смотрела на залив. После четырёх часов дороги тишина казалась объёмной. Где-то внизу стучал фал о мачту, кричали птицы, сосны отвечали ветру длинным сухим шумом.

— Поэтому вы вложили сюда полмиллиарда, — сказала я.

Максим встал рядом, не слишком близко.

— Когда мы купили участок, здесь был недостроенный пансионат и свалка у воды.

— «Мы» — это вы и Антон?

— Да.

Одно слово изменило пейзаж. Я представила их моложе на пятнадцать лет: двое мужчин стоят на этом берегу среди бетонных коробок и мокрого мусора и видят не разруху, а будущий отель. Потом один получает контрольный пакет, другой — двадцать два процента и обиду, достаточно долгую, чтобы превратиться в оправдание.

У входа нас встретила управляющая Алёна Рябова — высокая женщина в бордовом костюме и удобных туфлях. Она извинилась за строительный шум, сообщила, что руководители служб ждут в малой переговорной, и передала сотруднику багаж.

В холле пахло деревом и яблоками. За панорамным стеклом вода доходила до самого горизонта. Возле камина стояли глубокие кресла, на подлокотнике одного из них ребёнок оставил плюшевого зайца. Сотрудница стойки регистрации подняла игрушку и положила на видное место, чтобы хозяин смог вернуться.

Алёна открыла планшет.

— Я распорядилась доставить вещи в гостевой коттедж. Обед можем подать туда или в ресторан.

— Коттеджи, — поправил Максим. — Для Валерии Сергеевны забронирован номер в главном корпусе, для меня — малый гостевой дом.

Управляющая замерла. Совсем ненадолго, но после Карпова я особенно хорошо замечала людей, которые обнаруживали документ, способный испортить им день.

— Вчера бронирование изменили, Максим Андреевич.

— Кто?

— Центральный офис. Пришло служебное распоряжение разместить проверяющую группу вместе. Номер Валерии Сергеевны передали участникам медицинской конференции.

Я посмотрела на Максима. Он выглядел не смущённым, а холодно рассерженным.

— Верните номер.

— Я уже проверила. Конференция приехала полным составом, два корпуса заняты. В соседнем посёлке тоже ничего нет: сегодня свадьба на сто двадцать человек.

— Другой коттедж?

Алёна перевела взгляд с него на меня и обратно.

— Свободен только один. «Сосны». Две комнаты, но спальня одна.

В холл вошёл сотрудник с нашими сумками. Обе стояли на одной багажной тележке.

— Распоряжение было оформлено на вас двоих, — осторожно добавила управляющая.
— На один общий коттедж.

Глава 7. Общая территория

Один коттедж на двоих мог быть ошибкой.

Ошибка водителя утром тоже могла быть ошибкой. В больших компаниях люди регулярно отправляют машины не туда, теряют документы, путают даты и заселяют гостей под чужими именами. Большая часть корпоративных заговоров при ближайшем рассмотрении оказывается усталым администратором и плохо заполненной таблицей.

Но две ошибки за один день уже пытались познакомиться и создать систему.

— Покажите распоряжение, — попросила я.

Алёна передала мне планшет. Заявка пришла в девятнадцать сорок две с внутреннего адреса отдела операционной координации. «В связи с изменением состава проверяющей группы разместить М. А. Северина и В. С. Воронцову в гостевом доме “Сосны”. Ранее зарезервированный номер освободить для участников конференции».

Внизу стояла электронная отметка служебного аккаунта «oper.office».

— Кто имеет доступ к этому адресу? — спросила я.

— Центральная диспетчерская, помощники операционного директора и дежурный администратор офиса.

— Фамилия отправителя фиксируется?

— В нашей системе я её не вижу.

Максим протянул руку. Я вернула планшет Алёне, не ему.

— Пришлите заявку мне и Глебу Маркову вместе с журналом изменений бронирования.

— Уже, — произнёс Максим.

Он показывал экран своего телефона. Глеб получил сообщение на несколько секунд раньше, чем я закончила вопрос.

— Попросите его ничего не менять до копирования журналов, — сказала я. — Если кто-то проверяет, насколько легко нас скомпрометировать, предупреждение только поможет ему убрать следы.

Максим набрал короткий текст.

— Что ещё?

— Найти мне другую комнату.

Алёна предложила кабинет при спа-центре: там стояла кушетка и был отдельный душ. Максим отверг вариант раньше меня. Потом она вспомнила о комнате дежурного врача, но в ней жил специалист конференции. До ближайшей гостиницы оставалось сорок километров, все номера забронировали гости свадьбы. Можно было вернуться в город, потратив ещё четыре часа и отменив проверку.

Все решения выглядели хуже одного коттеджа.

— Я останусь в административном корпусе, — сказал Максим. — В кабинете управляющей есть диван.

Алёна посмотрела на него с профессиональным ужасом. Генеральный директор, ночующий на диване в кабинете управляющей, к утру превратился бы в легенду с десятком версий.

— Тогда попытка удалась, — сказала я. — К вечеру весь отель будет обсуждать, почему вы отказались жить со мной под одной крышей.

— Вас беспокоят слухи?

— Меня беспокоит управляемость слухов. Если кто-то хотел создать историю, не стоит бесплатно добавлять ей драматический финал.

В глазах Максима появилась знакомая тень улыбки.

— Вы предлагаете поселиться вместе ради профессиональной репутации?

— Я предлагаю вам ночевать в гостиной. Формулировки оставьте для совета директоров.

Алёна изучала стойку регистрации с такой сосредоточенностью, что могла запомнить рисунок древесины до конца жизни.

— В коттедже два санузла, — сообщила она. — И диван раскладывается.

— Прекрасно, — ответила я. — Почти разные государства.

Максим забрал свой ключ.

— Надеюсь, между ними подписан договор об экстрадиции.

Первую половину дня мы провели в новом корпусе. Ветер с залива бил в ещё не закрытые проёмы верхнего этажа, и строительная плёнка вздувалась на окнах большими прозрачными парусами. Пахло сырой штукатуркой, деревом и металлической пылью. Рабочие укладывали плитку в коридоре, где через два месяца должны были ходить гости в мягких халатах и жаловаться на температуру воды.

Будущая роскошь всегда начиналась некрасиво: мешки, провода, серый бетон, люди в защитных касках. Мне нравилась эта стадия — здесь назначение вещей ещё не успевало спрятать их стоимость.

Главный инженер выдал нам каски и повёл по этажам. Максим знал проект лучше, чем я ожидала. Останавливался у технических люков, проверял расстояние между дверью и стеной, спрашивал, почему на террасе изменили уклон. Он не изображал вовлечённость для сотрудников — они отвечали ему без вступлений, сразу цифрами и сроками.

В демонстрационном номере всё уже было готово. Широкая кровать, льняные шторы, светлое дерево, кресло у панорамного окна. За стеклом ветер гнал по воде длинные тёмные полосы.

Я открыла ведомость комплектации.

— Торшер «Ланца», Италия, сто восемьдесят девять тысяч.

У кресла стоял аккуратный светильник на тонкой чёрной ножке.

Максим присел и посмотрел на маркировку под основанием.

— Польша.

— Розничная цена около сорока тысяч.

Главный инженер нахмурился.

— Дизайнеры заменяли часть позиций. Из-за сроков поставки.

— Где оформлена замена? — спросила я.

— Должна быть в авторском надзоре.

В папке авторского надзора замены не оказалось. Зато рядом с окном лежал ковёр, значившийся в накладной как ручная работа небольшой бельгийской мануфактуры. Я приподняла край. На обороте была приштампана фабричная этикетка российского производителя.

— Возможно, бельгийцы очень хорошо выучили кириллицу, — заметила я.

Максим сфотографировал этикетку.

— Или локализовали производство.

Главный инженер не понял, шутит он или уже выбирает виновного.

Мы проверили ещё четыре номера. В двух стояли другие настольные лампы, в одном отсутствовала заказанная банкетка, в люксе дорогие латунные ручки заменили обычными, покрытыми золотистой краской. Каждая отдельная подмена могла объясняться срочностью. Вместе они образовывали несколько миллионов, растворившихся между картинкой дизайнера и реальной комнатой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.